

**ВЫСШАЯ ШКОЛА БИЗНЕСА
МГУ им.М.В.ЛОМОНОСОВА**

**ИНСТИТУТ КОМПЛЕКСНЫХ
СТРАТЕГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ**

Семинар «Стратегия развития»

Государство, демократия и экономический рост

**Материалы семинара
«Стратегия развития»
от 29 сентября 2003 г.**

**Москва
2003**

Ежемесячный научно-практический семинар «Стратегия развития» проводится Высшей школой бизнеса (факультетом) МГУ им. М.В. Ломоносова совместно с Институтом комплексных стратегических исследований. Тематика семинара отражает основные проблемы экономики России. Организация семинара преследует три основных цели. Во-первых, это создание еще одной «площадки» для открытого обсуждения вопросов стратегии развития страны в целом и отдельных регионов, отраслей и экономических структур. Среди участников семинара – как ученые-экономисты и эксперты, так и представители бизнеса и администрации. Семинар не имеет четкой идеологической ориентации, чрезвычайно важным для организаторов семинара является участие в заседаниях специалистов, принадлежащих к различным научным и практическим школам. Вторая задача семинара – это представление результатов дискуссий общественности, оказание влияния на общественную мысль, в связи с чем семинар открыт для представителей средств массовой информации. В-третьих, поскольку семинар проходит в Школе, он является частью учебного процесса, предоставляя студентам возможность стать участниками диалога с видными учеными, экспертами, общественными деятелями.

Информация о семинаре регулярно размещается на странице Института комплексных стратегических исследований (ИКСИ) в сети интернет

Высшая школа бизнеса (факультет) МГУ им. М.В. Ломоносова (год основания – 1989) является структурным подразделением МГУ им. М.В. Ломоносова, осуществляющим полный спектр учебной деятельности. В Высшей школе проводятся следующие программы: Бакалавр по направлению «Менеджмент», Магистр по направлению «Менеджмент», «Мастер делового администрирования» (MBA), корпоративные программы развития персонала. Кроме этого, в школе ведутся научные исследования по вопросам управления, проводится регулярный научный семинар «Стратегия развития», а также осуществляется управленческое консультирование российских и зарубежных компаний.

Интернет-адрес: <http://www.mgubs.ru/>

Институт комплексных стратегических исследований основан в 2000 г. с целью выработки рекомендаций по стратегическим вопросам социально-экономического развития как российского общества в целом, так и регионов, отраслей и интегрированных корпораций. Среди приоритетных задач деятельности института – проведение исследований по наиболее актуальным вопросам развития России, проведение регулярного научно-практического семинара по вопросам стратегии развития, а также подготовка

на основе результатов исследований предложений по повышению эффективности государственной политики на макроуровне и в отдельных регионах и экономических структурах.

Интернет-адрес: <http://www.icss.ac.ru/>

СЕМИНАР «СТРАТЕГИЯ РАЗВИТИЯ»

ГОСУДАРСТВО, ДЕМОКРАТИЯ И ЭКОНОМИЧЕСКИЙ РОСТ

29 СЕНТЯБРЯ 2003 г.

Выступающий: профессор Российской экономической школы
В.В. Попов

Руководитель семинара, ведущий: директор Высшей школы бизнеса (факультета) МГУ им. М.В. Ломоносова **О.С. Виханский**

УЧАСТНИКИ СЕМИНАРА

Белоусов Андрей Рэмович, руководитель Центра макроэкономического анализа и краткосрочного прогнозирования

Виханский Олег Самуилович, директор Высшей школы бизнеса (факультета) МГУ им. М.В. Ломоносова

Гурвич Евсей Томович, научный руководитель Экономической экспертной группы

Дребенцов Владимир Владимирович, старший экономист отдела экономики регионов Европы и Центральной Азии Всемирного банка

Дынкин Александр Александрович, первый заместитель директора ИМЭМО РАН

Иванова Наталья Ивановна, заведующая отделом ИМЭМО РАН

Илларионов Андрей Николаевич, советник Президента РФ

Квон Гухун, постоянный представитель МВФ в РФ

Киселёв Константин Владимирович, член правления фонда «Центр экономических исследований и распространения экономической информации "Открытая экономика"»

Клепач Андрей Николаевич, заместитель руководителя Центра развития

Колесов Василий Петрович, декан экономического факультета МГУ

Костиков Вячеслав Васильевич, руководитель аналитического центра ЗАО «Аргументы и факты»

Кузнецов Борис Викторович, заместитель директора Межведомственного аналитического центра

Макушкин Алексей Георгиевич, директор по России института «Восток-Запад»

Марков Сергей Александрович, директор Института политических исследований

Некипелов Александр Дмитриевич, вице-президент РАН

Паппэ Яков Шаявич, ведущий научный сотрудник ИНП РАН

Попов Владимир Викторович, профессор Российской экономической школы

Симачев Юрий Вячеславович, руководитель управления анализа и разработок ИКСИ

Смирнов Станислав Романович, заместитель директора Высшей школы бизнеса (факультета) МГУ

Сонин Константин Исаакович, профессор Российской экономической школы

Стародубровский Виктор Георгиевич, заместитель директора МНИИПУ

Тамбовцев Виталий Леонидович, заведующий лабораторией экономического факультета МГУ

Яковлев Андрей Александрович, проректор ГУ–ВШЭ

Ясин Евгений Григорьевич, научный руководитель ГУ–ВШЭ

СОДЕРЖАНИЕ

Государство, демократия и экономический рост.....	7
Вопросы к докладчику.....	37
Обсуждение темы участниками семинара.....	50
Заключительное выступление.....	58

ГОСУДАРСТВО, ДЕМОКРАТИЯ И ЭКОНОМИЧЕСКИЙ РОСТ

В. В. Попов,

профессор Российской экономической школы

Нынешний доклад базируется на двух работах: «Демократия и развитие» и «Стадии развития и экономическая политика». Обе эти работы еще не закончены, и в своем докладе я попытаюсь их объединить.

Два слова о последней работе «Стадии развития и экономическая политика» (в соавторстве с В.М. Полтеровичем). Ее смысл в том, что нет универсальных рецептов стимулирования экономического роста для всех стран. Скажем, надо ли снижать таможенные пошлины или не надо? Оказывается, что в XIX в. уровень таможенных пошлин был положительно связан с экономическим ростом. Этому есть очень убедительные подтверждения — только так можно интерпретировать ту статистику по XIX в., которая у нас имеется. Надо ли накапливать резервы или не надо? Надо ли увеличивать долю госбюджета в ВВП или не надо? Ответы на эти вопросы зависят от исходных условий, в основном от расстояния до технологической границы, т. е. от степени отставания по ВВП на душу населения от передовых, западных стран.

Работа «Демократия и развитие» выросла из наблюдений над переходными экономиками. В тех странах, где сильно снизились государственные расходы, это оказало очень плохое влияние на рост. Причем, наибольшее значение имеет не абсолютный уровень государственных расходов, а его динамика. Чемпионы роста на постсоветском пространстве — Узбекистан, Беларусь, Эстония — это как раз те страны, где не снизились или мало снизились госрасходы; в странах Восточной и особенно Центральной Европы государственные расходы снизились незначительно либо возросли. В Эстонии доля госрасходов в ВВП даже возросла. Альтернативное объяснение эстонского успеха состоит в том, что это одна из немногих стран, где в

переходный период выросли государственные расходы в процентах к ВВП (хотя обычно относительно благоприятную экономическую динамику в Эстонии объясняют быстрой либерализацией). Еще одна такая страна – Вьетнам. Больше нигде госрасходы не выросли. В Китае снизились, но Китай – особый случай, в Китае они снизились после 10 лет переходного периода. Я еще, может быть, скажу два слова о Китае, но так или иначе получается, что в переходных экономиках, во-первых, сокращение государства отрицательно сказалось на росте, а во-вторых, сокращение государства наблюдалось там, где происходила демократизация при низком уровне правопорядка.

Вот из этого выросла работа, которая рассматривает теперь все страны, а не только переходные экономики. Получилось, что при высоком уровне правопорядка все страны неплохо растут – и авторитарные режимы, и демократические режимы. А вот при низком уровне правопорядка есть разница между авторитарными режимами и демократическими. Авторитарные – Белоруссия, Китай, Вьетнам и страны Средней Азии (исключая Киргизию и Таджикистан) – на самом деле, показывают лучшую экономическую динамику, чем страны, которые демократизировались.

Давайте разберемся, что имеется в виду под разделением правопорядка и демократии, и договоримся об определениях.

Существуют индексы правопорядка (rule of law), рассчитываемые Мировым банком в числе других – таких, как индекс коррупции, индекс государственной эффективности, индекс открытости и подотчетности (accountability), индекс качества институтов. Еще в качестве индекса правопорядка используют индекс инвестиционного климата. Он взят из International Country Risk Guide и тоже публикуется Мировым банком. А уровень демократизации измеряется индексом политических прав. Это один из двух индексов – гражданских прав (свобод) и политических прав, которые считает Freedom House.

Что такое индекс политических прав? Имеете ли вы право объединяться в политические партии, голосовать на выборах, быть избранным. Если я не ошибаюсь, свободу прессы также относят сюда. Это права

политические, важные, но далеко не все права. На самом деле, есть более важные права, по крайней мере, по объему гораздо более существенные. Это право быть защищенным от преступности, право на справедливое разбирательство в суде, право на отсутствие расовой дискриминации, дискриминации по половому и по религиозному признакам, право защиты собственности и контрактов.

Вот характерный пример — Гонконг. В Гонконге демократии не было как при англичанах, так и при коммунистах. После 1997 г. Гонконг передали Китаю, стране с очень высоким уровнем порядка: есть правила, а в последнее время и законы, и они претворяются в жизнь. Нет только политических прав, т. е. права выбирать и быть избранным. Строго говоря, даже в политические партии можно объединяться безо всякой демократии. Есть политические партии, есть даже выборы, но дума действует только как консультативный орган, а вот решения окончательные принимаются монархом/диктатором на основе существующего беззаконного или законного порядка.

Кодекс Наполеона при Наполеоне как диктаторе — пример такого правопорядка. Европа сначала стала либеральной (в политическом смысле), а потом демократической. Мы говорим «либеральная демократия», и прилагательное здесь не менее важно, чем существительное. Оно означает, что сначала был защищен правопорядок, и только потом ввели демократию. Во времена монархии Луи-Филиппа во Франции голосовало всего 5 % населения. Женщины не голосовали, имущественный ценз, образовательный ценз, ценз оседлости — в общем, получалось, что голосовать могут всего 5 % населения. Финляндия — первая европейская страна, где женщины стали голосовать в начале XX в., а до этого половина населения совсем не голосовала.

Таким образом, я утверждаю, что демократизация страны при низком уровне правопорядка отрицательно сказывается и на экономическом росте, и на неравенстве распределения доходов, и на преступности, и на продолжительности жизни. Я попытаюсь все это доказать.

Теперь еще последние два определения — цена демократии и издержки демократии. Цена демократии — это политическая философия, и я не хотел бы

рассматривать этот вопрос, не будучи специалистом. Цена демократии измеряется тем, сколько лет жизни вы бы отдали за удовольствие жить в демократической стране. Некоторые скажут, что готовы пожертвовать жизнью за демократию, а некоторые – нет. Итак, есть две традиции: первая – политическая философия Джона Роулса, который говорил, что здесь компромиссы невозможны, что демократия – абсолютная ценность. Нельзя заключить компромисс и сказать, что у нас будет немножко больше экономического роста, но мы жертвуем ради этого демократией. Это западная традиция.

Есть другая традиция – азиатские ценности, главным защитником которых считается Ли Куан Ю, бывший президент Сингапура; корни этой традиции, как говорят, восходят к Конфуцию, к конфуцианской философии. Азиатские ценности состоят в том, что интересы общины всегда выше интересов индивидуума, что в корне противоречит западным ценностям, где интересы индивидуума всегда выше интересов общества. В системе азиатских ценностей возможен компромисс. Если большинство населения выиграет от изменения степени демократизации по какой-то шкале ценностей (у всех она разная), то такие компромиссы возможны.

Издержки демократии, в отличие от цены демократии, измеряются воздействием процесса демократизации на экономический рост, социальное неравенство, преступность, продолжительность жизни и другие цели развития. Некоторые отрицают, что такое негативное воздействие существует. Я пытаюсь доказать, что оно есть, но откуда вовсе не следует, что к демократии не надо переходить при низком правопорядке, так как демократия – ценность сама по себе. Я лишь пытаюсь оценить эти издержки количественно, чтобы выявить tradeoffs; решать же, стоит ли переходить к демократии ценой ухудшения других показателей, должен каждый самостоятельно.

Я собрал данные по всем странам, которые относятся к третьей или, как иногда говорят, четвертой волне демократизации. Она началась в 1974 г., и с тех пор демократизировалось порядка 100 стран. Из множества статей на эту тему я выделил бы две работы: «Возвышение нелиберальных демократий» Фариды Захарии, опубликованную в 1997 г. в *Foreign Affairs*, и недавнюю

статью Томаса Карутерса, опубликованную в 2001 г. в *Journal of Democracy*. Первая посвящена тем странам, где правопорядка нет, а демократии очень много. Это Африка, страны Латинской Америки, Южной Азии и, конечно, СНГ. Оценивая итоги их развития, автор говорит, что в большинстве стран они весьма неблагоприятны.

Одним из главных выводов второй статьи стало утверждение, что из 100 демократизировавшихся стран в последние 30 лет только около 20 более или менее успешны с политической точки зрения – с точки зрения того, как демократия функционирует. Какие это страны? Половина из них – страны Восточной Европы, которые вступают в Европейский Союз. Другие – это несколько стран Латинской Америки (Бразилия, Мексика, Уругвай, Чили), одна страна в Африке (Гана), несколько стран Восточной Азии (Тайвань, Корея, Филиппины). 20 стран из 100 – не очень хороший итог.

Я попытаюсь показать, что нужно смотреть не на абсолютный уровень демократии, а на демократизацию, т. е. на прирост уровня демократии в последние 25–30 лет, и такие данные есть. С 1972 г. индекс политических прав публикуется Freedom House. Так что я беру индекс, который показывает прирост демократии с 1972–1975 гг. до 1999–2002 гг., т. е. примерно за 25–30 лет. Посмотрим на либеральные и нелиберальные демократии (табл. 1). Если говорить в общем, то к нелиберальным демократиям (верхний левый квадрат) можно отнести Африку, Южную Азию, Латинскую Америку. В нашем регионе это будет Монголия, балканские страны, СНГ. А к сильным демократиям можно отнести все страны ОЭСР, страны Центральной Европы, Прибалтики, несколько развивающихся стран (Филиппины, Бразилия, Мексика, Корея, Тайвань), считающихся успешными примерами стран, которые демократизировались в последние 20–30 лет. Если говорить об авторитарных режимах, у которых все-таки порядок поддерживается, то это Китай, Вьетнам, это Европа XX в. и Восточная Азия, Тайвань и Корея – до того, как там ввели демократию в конце 1980-х гг. Страны нелиберальной автократии – это Ближний Восток и Северная Африка, такие страны, как Египет, Сирия, Тунис. А у нас это Средняя Азия, Азербайджан, Беларусь.

**Типология демократий и автократий
(в скобках – бывшие коммунистические страны)**

Правопорядок / Демократия	Слабый порядок	Сильный порядок
Более демократичные	<i>Слабые (нелиберальные) демократии:</i> Черная Африка, Южная Азия, Латинская Америка (большинство стран СНГ, Монголия, Балканы)	<i>Сильные (либеральные) демократии:</i> Страны ОЭСР, Южная Корея, Тайвань, Филиппины, Бразилия, Мексика, Уругвай (Центральная Европа, страны Балтии)
Менее демократичные	<i>Слабые (нелиберальные) автократии:</i> Ближний Восток и Северная Африка (Средняя Азия, Азербайджан, Беларусь)	<i>Сильные (либеральные) автократии:</i> Европа XX в., Восточная Азия до 1990-х гг. (Китай, Вьетнам)

После разделения всех стран на группы получается вот такая описательная статистика, которая ничего не доказывает, но сама по себе интересна. Я выделил 62 новые демократии – это те страны, в которых индекс политических прав увеличился за этот 30-летний период с 1972–1975 гг. по 1999–2002 гг. больше чем на 1,5 пункта, причем значения индекса лежат в границах от 1 до 7. Для них результаты в первом столбце (табл. 2), это большинство стран, которые сильно демократизировались в последний период. Эти 62 страны делятся на две группы: переходные экономики (второй столбец) и развивающиеся страны (третий столбец). В последнем столбце результаты для всех стран, а в предпоследнем – результаты для всех стран за исключением новых демократий.

Таблица 2

Описательная статистика для новых демократий
(стран, в которых индекс политической свободы Freedom House
вырос, по крайней мере, на 1,5 баллов с 1972–1975 гг. по
1999–2002 гг.)

Страны	Все новые демократии (62)	Переходные экономики (20)	Развивающиеся страны (42)	Все остальные, за исключением новых демократий (148)	Все страны (210)
1	2	3	4	5	6
Повышение индекса политической свободы с 1972–1975 по 1999–2002 гг.	3,31	3,98	3,00	-0,20	0,98
Индекс инвестиционного климата в 2000 г. (ICRG)	65,104	66,017	64,591	68,918	67,417
Отношение инвестиционного климата к улучшению индекса демократии, %	9,013	8,279	9,425	20,184	15,786
ВВП на душу населения по ППС в 1999 г.	5510	6900	4885	9588	8059
Повышение продолжительности жизни с 1970–1975 по 1995–2000 гг.	5,749	1,958	7,550	7,022	6,574
Средний ежегодный рост ВВП на душу населения в 1975–1999 гг.	0,818	0,296	0,876	1,410	1,225
Индекс госэффективности в 2001 г.	-0,193	-0,162	-0,210	0,088542	-0,007
Теневая экономика, 1-ая оценка	35,1	28,2	40,5	21,8	28,2
Теневая экономика, 2-ая оценка	33,6	24,8	40,4	23,3	28,3
Доля доходов центрального правительства в ВВП в 1995–1999 гг., % от уровня 1971–1975 гг.	132	56	136	164,9652	154

Продолжение таблицы 2

1	2	3	4	5	6
Средний ежегодный дефицит бюджета, 1975–1999 гг., % к ВВП	-4,49	-3,26	-5,01	-3,94308	-4,13
Средняя ежегодная инфляция, 1975–1999 гг., %	30,3	16,6	31,1	13,23991	18,8
Средние валютные резервы, в месяцах импорта, 1970–1999 гг.	3,12	2,62	3,35	3,358422	3,27
Рост валютных резервов, в месяцах импорта, 1980–1999 гг.	1,53	3,14	0,81	0,446896	0,84
Отношение цен на электроэнергию к ценам на одежду в 1993 г., % (США = 107 %)	101,0	48,9	145,1	117,619	110,9

Что получается? Посмотрим на увеличение продолжительности жизни в этот период. Во всех демократических странах, в новых демократиях, она увеличилась на 6 лет, а во всех странах, которые не являются новыми демократиями, – на 7 лет. В России и в переходных экономиках, конечно, меньше, а в развивающихся странах больше.

Если взять темпы роста ВВП на душу населения в 1975–1999 гг., то для новых демократий это значение 0,8, а для всех остальных стран – 1,4. Если взять индекс эффективности государства, то для новых демократий он равен -0,193, а для группы стран, не включающей новые демократии, он оказывается положительным, т. е. в них выше эффективность правительства¹. Увеличение доли расходов центрального правительства с 1971–1975 гг. до 1995–1999 гг. составило примерно 30 % в новых демократиях, а для группы стран, не включающей новые демократии – 64–65 %.

Видно, что в переходных экономиках очень сильно сократилась доля государственных доходов в ВВП. Я специально ввел госдоходы. Существуют страны с большими госрасходами, но все за счет бюджетного дефицита; поэтому доходы – это более объективная мера,

¹ Индекс изменяется от -2,5 до +2,5, т. е. чем ниже индекс, тем ниже эффективность.

которая позволяет избежать эффекта воздействия дефицита.

Дефицит бюджета в демократических странах составлял $-4,5\%$, а в странах, которые не демократизировались так быстро, -4% . Инфляция составляла 30% и 13% соответственно, валютные резервы, измеренные в месяцах импорта, — 3 и чуть больше $3,35$ соответственно. Но если смотреть на изменение резервов в месяцах импорта, то в новых демократиях они возросли на $1,5$ месяца импорта, а в остальных странах — на $0,4$, т. е. в новых демократиях они росли быстрее. И, наконец, отношение энергетических цен к ценам торгуемых товаров, в данном случае одежды, в сравнении со значением данного показателя для США. В США это отношение равно 107% (ровно 100% не выходит, потому что цены на разные группы товаров различны). Во всех неновых демократиях этот показатель равен 118% , а в странах, которые быстро демократизировались, около 100% .

Конечно, эта статистика ни о чем не свидетельствует. Хотя, в общем, на первый взгляд, получается, что в странах, которые демократизировались, экономическая динамика была не очень хорошая. Я утверждаю, что демократия хороша для развитых стран, а для развивающихся порой не очень. Давайте посмотрим, какова связь между демократизацией, экономическим ростом и продолжительностью жизни (рис. 1, А, Б). На графиках видно, что особой зависимости нет. Все страны разделены на три группы: бедные, богатые и страны с переходной экономикой. Для бедных стран, в целом, зависимости не наблюдается. В богатых странах, чем больше демократизация, тем выше экономический рост и больше продолжительность жизни.

В последнем докладе ООН о человеческом развитии утверждалось, что нет связи между демократией, экономическим ростом и продолжительностью жизни. Большой авторитет в этой области Пшеворски (Przeworski) написал целую книжку об этом вместе с соавторами. Он тоже утверждает, что связи между уровнем демократии и экономической динамикой и продолжительностью жизни нет. Для анализа он использует панельные данные. Он смотрит на темпы экономического роста, на рождаемость, на смертность,

на продолжительность жизни, на инвестиции, долю инвестиций в ВВП. Оказывается, что у стран с высокой степенью демократизации доля инвестиций в ВВП меньше, чем у других.

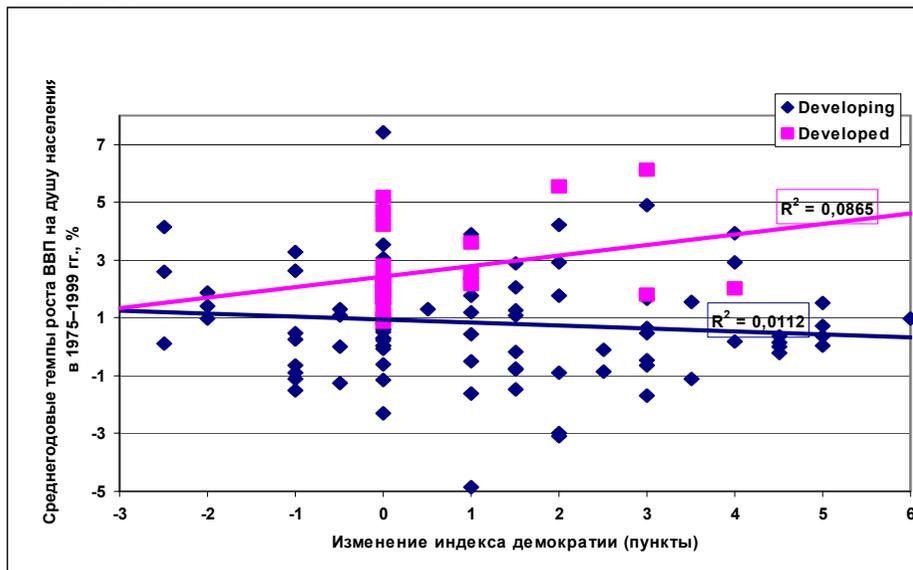

Рис. 1А. Изменение индекса демократии (пункты) и среднегодовые темпы роста ВВП на душу населения в 1975–1999 гг., %

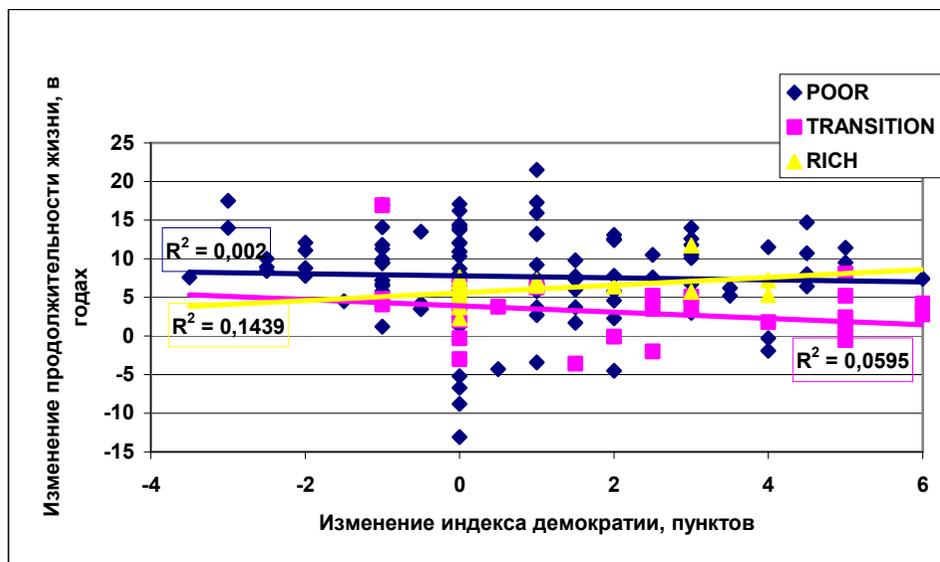

Рис. 1Б. Изменения в продолжительности жизни (годы) и в индексе демократии (пункты) в 1970–2000 гг.

Очень устойчивой оказалась связь уровня демократии с уровнем рождаемости. В странах с высоким уровнем демократии рождаемость всегда ниже, чем в авторитарных режимах. Это трудно объяснить, но это факт. Доля заработной платы в ВВП в демократиях, как правило, выше, а доля инвестиций, как правило, ниже, но на экономическом росте это особенно не отражается.

В чем специфика моей работы? Я смотрю на **изменение** индекса демократии, а не на его абсолютный уровень, и утверждаю, что в тех странах, которые быстро демократизировались при слабом правопорядке, дела обстояли не очень хорошо.

В табл. 3 приведены результаты регрессий, описывающих зависимость темпов экономического роста от демократизации и уровня правопорядка.

Таблица 3

**Результаты регрессии: темпы роста ВВП на душу населения
в 1975–1999 гг. в зависимости от индекса правопорядка
и изменения уровня (Т-статистика в скобках)**

Зависимая переменная	Среднегодовые темпы роста ВВП на душу населения в 1975–1999 гг.				
	1	2	3	4	5
Число наблюдений		84	97	84	45
Индекс инвестиционного климата (ICRG)		0.1*** (4.18)		0.07*** (3.40)	0.06** (2.39)
Логарифм ВВП на душу населения в 1975 г.		-3.27*** (-6.22)	-2.43*** (-5.37)	- 3.03*** (-6.44)	
Среднее отношение инвестиций к ВВП в 1975–1999 гг., %			0.12*** (4.89)	0.12*** (4.44)	
Среднегодовые темпы роста населения в 1975–1999 гг., %		-0.45** (-2.23)	-0.33* (-1.85)	- 0.45*** (-2.51)	-0.69*** (-2.70)
Увеличение индекса демократии в 1970–2000 гг.		-0.13* (-1.65)	-0.11 (-1.56)	-0.13* (-1.83)	-0.15* (-1.73)
Произведение индекса правопорядка на увеличение индекса демократии		0.19*** (3.15)	0.31*** (6.85)	0.18*** (3.41)	0.22*** (3.66)
Увеличение отношения «валютные резервы/ВВП» в 1975–1999 гг., п. п. (очищено от влияния объективных факторов)					0.88*** (3.60)
Отношение доходов центрального правительства к ВВП в 1995–1999 гг., % к уровню 1971–1975 гг.					0.01* (1.81)
Произведение логарифма ВВП на душу населения в 1975 г. на отношение доходов центрального правительства к ВВП в 1995–1999 гг. в % к уровню 1971–1975 гг.					-4*10 ⁻⁰⁶ (-6.10)
Произведение логарифма ВВП на душу населения в 1975 г. на увеличение отношения «валютные резервы/ВВП» в 1975–1999 гг.,					-0.23*** (-3.37)

Продолжение таблицы 3

1	2	3	4	5
Произведение увеличения отношения «валютные резервы/ВВП» в 1975–1999 гг. на средний уровень импортных налогов по отношению к внешней торговле в 1980–1999гг.				-0.94*** (-3.77)
Константа	6.52*** (3.09)	7.33*** (4.09)	4.71** (2.46)	-1.29 (-0.59)
Скорректированный R ²	53	56	63	67

*, **, *** Коэффициенты значимы на уровне 10 %, 5 % и 1 % соответственно.

Уравнение в третьей колонке имеет вид:

$$\text{GROWTH} = \text{CONST.} + \text{CONTR.VAR.} + \text{DEMOCRATIZATION} * (0.18\text{RofL} - 0.13) \quad (1)$$

Что показывает это уравнение? Экономический рост складывается из нескольких слагаемых: переменные, на которые мы контролируем (в числе этих переменных – инвестиции и темпы роста населения), и демократизация (индекс демократизации, умноженный на скобки, в скобках индекс правопорядка, умноженный на 0,18 минус 0,13). Что это значит? Это значит, что есть критическое значение уровня правопорядка. Если уровень правопорядка больше 0,72, то демократизация положительно влияет на экономический рост, а если меньше – то отрицательно. Получается определенный порог в этой регрессии. В странах, где индекс правопорядка был больше 0,72, демократизация оказывала положительное влияние. Какие страны находились на этом пороге? Чехия, Иордания, Мальта, Уругвай, Кипр, Венгрия, Словения и Тунис, т. е. страны со средним уровнем развития. Начиная со среднего уровня развития, оказывается, что демократизация хороша для экономического роста.

Другая регрессия (последняя колонка в табл. 3) имеет вид:

$$\begin{aligned} \text{GROWTH} &= \text{CONTR.VAR.} - 0.15D + 0.22\text{RofLD} + 0.88R + \\ &+ 0.01G - 4 * 10^{-06}YG - 0.231\text{gYR} - 0.94RT = \\ &= \text{CONTR.VAR.} + D(0.22\text{RofL} - 0.15) + R(0.88 - \end{aligned}$$

$$- 0.231gY - 0.94T) + G(0.01 - 4 * 10^{-06}Y), (2)$$

где RofL – индекс правопорядка, D – демократизация (изменение индекса демократизации в 1970–2000 гг.), G – рост доли государственных доходов в ВВП в 1975–1999 гг., Y – ВВП на душу населения в 1975 г., R – изменение отношения резервов к ВВП в 1975–1999 гг., T – среднее значение импортных пошлин в 1980–1999 гг.

Здесь мы контролируем на разные переменные политики (в частности, изменение тарифов, т. е. импортных налогов, накопление резервов, изменение доли государственных доходов в ВВП с 1970–1975 до 1995–1999 гг.). Интересно, что получается схожий порог индекса правопорядка (RofL = 0.68) даже при учете экономической политики, влияющей на рост. Интересно также, что воздействие таможенного протекционизма и увеличения размеров государства на темпы экономического роста положительно для бедных стран и отрицательно для богатых; и что импортные налоги (обычный протекционизм) и накопление валютных резервов, ведущее к занижению валютного курса («протекционизм валютного курса», как иногда называют такую политику), являются взаимозаменяемыми.

Увеличение продолжительности жизни тоже отрицательно связано с демократизацией. Регрессия, которая здесь не приводится, свидетельствует о том, что даже контролируя на продолжительность жизни, которая была в 1970–1975 гг. (чем больше была продолжительность жизни, тем труднее было ее увеличивать), и на эффект переходных экономик, где произошло значительное снижение продолжительности жизни в 1990-е гг., получаем, что уровень демократии в 1970–1975 гг. и последующее повышение этого уровня (демократизация) снижали продолжительность жизни.

Теперь перейдем к объяснению. Рассмотрим рис. 2, фактически представляющий собой «схему мира». Получается так, что если вы живете в нелиберальной демократии, т. е. у вас демократизация проходит при слабом правопорядке, то тогда, во-первых, снижается эффективность работы правительства; во-вторых, само государство сжимается или не растет так быстро, как в других странах, потому что труднее собирать налоги, расширяется теневая экономика.

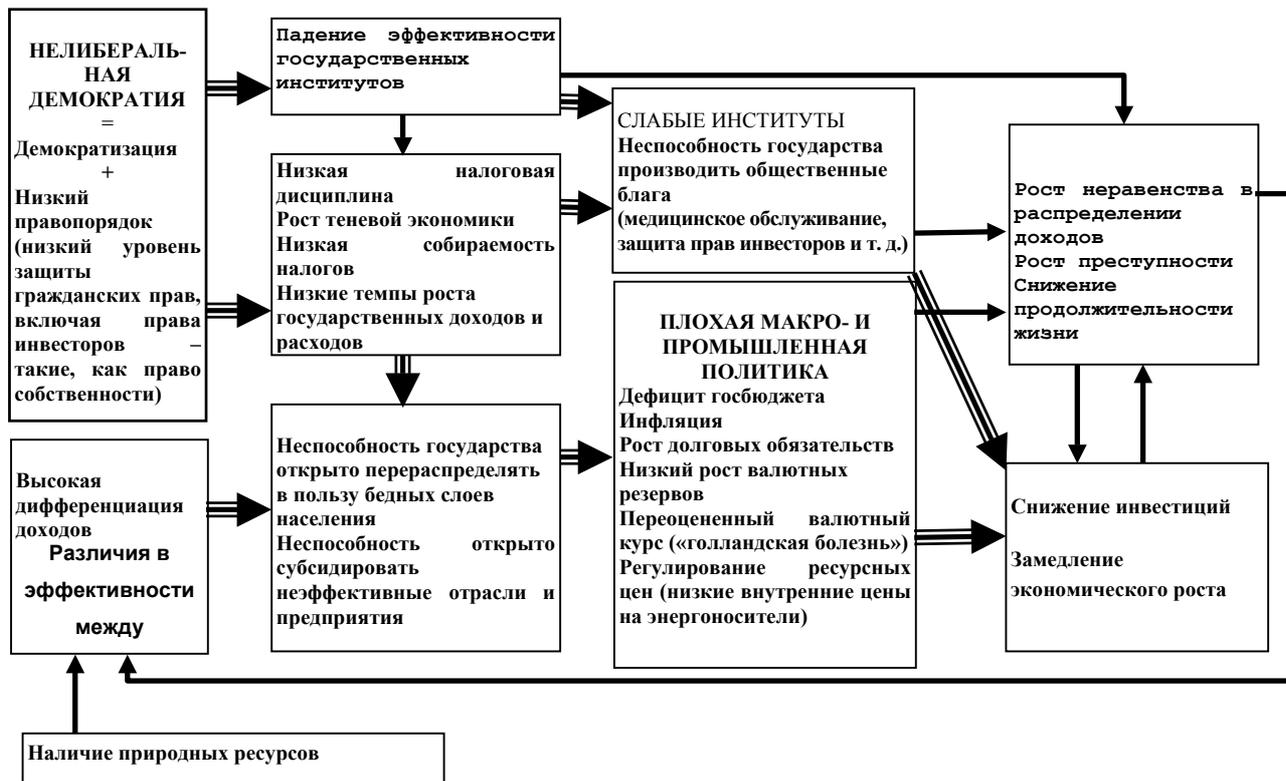

Рис. 2. Экономические и социальные издержки нелиберальных демократий

Таким образом, мы имеем два эффекта. Первое — это сокращение самого размера государства. Второе — сокращение эффективности траты 1 рубля, 1 доллара, 1 юаня, т. е. снижение выхода общественных благ на единицу затрат. Размер государства, т. е. объем общественных благ, который предоставляется государством — правопорядок, медицинское обслуживание, образование и т. д., — можно увеличить двумя способами. Первое — дать больше денег. Второе — повысить эффективность использования денег. Я утверждаю, что имеют место оба эффекта, и попытаюсь это доказать.

И еще одно воздействие — неэффективная макроэкономическая политика. В нелиберальной демократии трудно договориться о ликвидации бюджетного дефицита, консенсуса тут нет. Поэтому используется то, что называется макроэкономическим популизмом. Макроэкономический популизм — это когда вы не можете собрать достаточно налогов, чтобы финансировать расходы, и вводите механизмы, которые более или менее автоматически эти налоги собирают: инфляционный налог (вы печатаете деньги) или сохранение большого дефицита государственного бюджета (и долги).

Странам, которые демократизируются, сложно накапливать резервы, они держат завышенный валютный курс. Очень часто это случается в Латинской Америке, в Африке, у нас сплошь и рядом. Кроме того, они используют автоматический механизм перечисления ренты от производителя к потребителю: держат заниженные цены на ресурсы и энергию, потому что собрать ренту они не могут, а если даже соберут, бюрократы не удержат эту ренту и ее растащат.

Вот эта плохая популистская макроэкономическая политика тоже является результатом преждевременной демократизации в условиях низкого правопорядка. Там, где стрелочки на схеме толстые, это связи, которые я более или менее проверил статистически, а остальные связи менее проверены. Теперь позвольте предоставить

некоторые доказательства того, как эффективность государства зависит от демократизации. Кое-какая зависимость видна даже на графике (рис. 3).

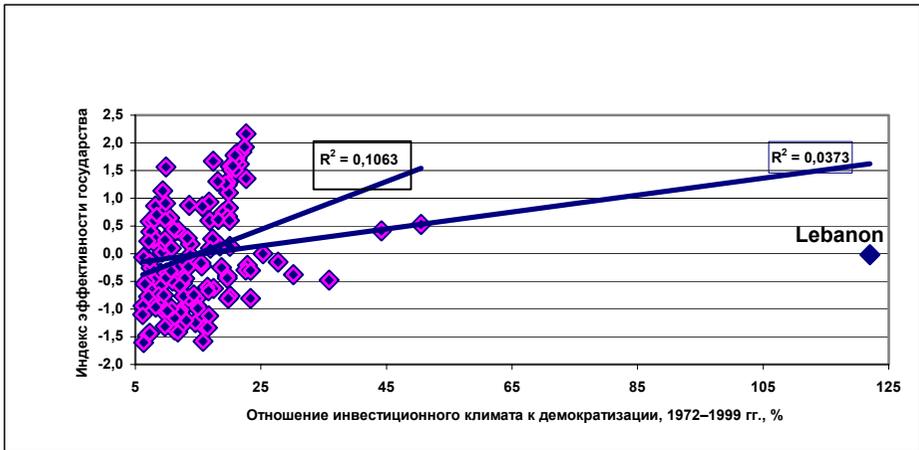

Рис. 3. Индекс эффективности государства и отношение инвестиционного климата к демократизации, 1972–1999 гг.

Из табл. 4 видно: контролируя на индекс правопорядка, получаем отрицательную зависимость государственной эффективности от демократизации. Можно взять разницу между государственной эффективностью (индексом эффективности государства) и индексом правопорядка. Это как раз то, что называется беспорядком, или незаконным порядком. Если в стране нет правопорядка, то эффективны ли в ней государственные институты? Разница между эффективностью государственных институтов и правопорядком больше там, где правительство работает, поддерживает порядок, не опираясь на законы. Оказывается, что демократизация на эту разницу влияет отрицательно, если контролировать на ВВП или ВВП на душу населения.

Таблица 4

**Факторы, объясняющие эффективность государственных
институтов
(результаты регрессионного анализа)**

Зависимая переменная	Индекс эффективности госинститутов в 2001 г.			Разница между индексом эффективности госинститутов и индексом правопорядка		
	155	131	154	113	101	87
Число наблюдений	155	131	154	113	101	87
ВВП на душу населения в 1975 г.					.00003*	-.00005***
Размер экономики (ВВП в 1999 г.)		.00001*		—	.00002**	
Индекс инвестиционного климата в 2000 г.				.01**		.007*
Индекс правопорядка в 2001 г.	.92**	.83***	.41***			
Индекс открытости и подотчетности в 2001 г.			.09*			
Индекс политической стабильности в 2001 г.			.11**			
Индекс контроля над коррупцией в 2001 г.			.25***			
Индекс качества регулирования в 2001 г.			.18***			
Увеличение индекса демократии в 1970–2000 гг.	-.03**	-.03*	-.06***	-.04**	-.04**	-.04*
Константа	0.13*	.04	.28***	-.63**	.14***	-.31
Скорректированный R ²	86	87	90	7	7	10

*, **, *** Коэффициенты значимы на уровне 10 %, 5 % и 1 % соответственно.

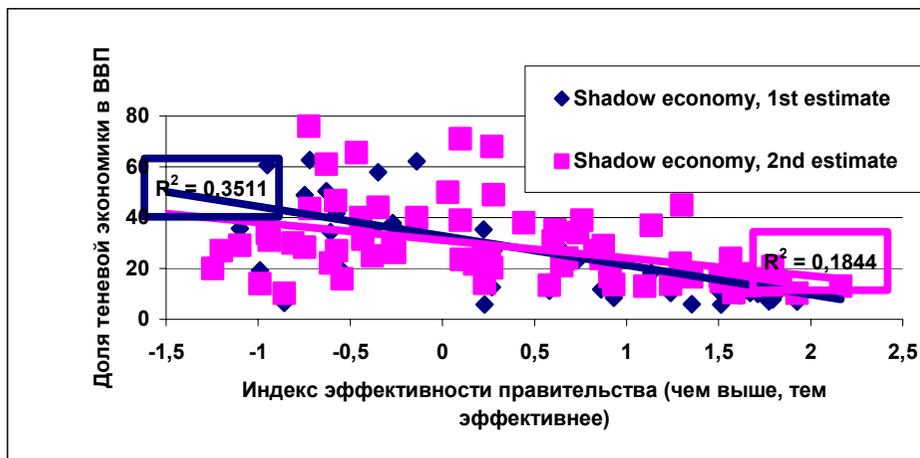

Рис. 4. Индекс эффективности правительства в 2001 и доля теневой экономики в ВВП в 1090-х гг.

Прежде чем перейти к влиянию демократизации на размеры государства, позвольте привести данные по теневой экономике. Даже на картинке (рис. 4) видно, какая сильная связь между индексом эффективности правительства и долей теневой экономики. По доле теневой экономики есть данные из разных источников примерно по 60 странам. В общем, понятно, что связь быть должна, потому что государственная эффективность — это в том числе и способность собирать налоги; а если налоги мы не собираем, то теневая экономика больше, значит, государственная эффективность меньше.

Вот регрессия, объясняющая увеличение доли государственных доходов в ВВП (табл. 5). В среднем для всех стран она повысилась на треть в 1975–1999 гг.; в большинстве стран увеличилась доля государственных доходов в ВВП, в очень немногих странах снизилась (в основном, в Африке и в наших переходных экономиках). К примеру, она составляла 30 % в 1971–1975 гг., а в 1995–1999 гг. стала 40 %. По всем странам берутся доходы центрального правительства — только потому, что других сопоставимых данных нет.

Таблица 5

Факторы, объясняющие увеличение доли доходов центрального правительства в ВВП 1975–1999 гг. и долю теневой экономики в 1990-е гг. (результаты регрессионного анализа)

Зависимая переменная	Доля госдоходов в ВВП в 1995–1999 гг., % к уровню 1971–1975 гг.		Доля теневой экономики в ВВП в 1990-е гг.			
			1-ая оценка			2-ая оценка
1	2	3	4	5	6	7
Число наблюдений	66	56	47	47	47	47
ВВП на душу населения в 1975 г.	.80***	.80***	– 37.9***	– 36.8***	– 29.5***	– 33.5***
Индекс инвестиционного климата в 2000 г. (ICRG)					–.58**	
Доля госдоходов в ВВП в 1971–1975 гг.	–10.80***	–13.10***				
Уровень демократии в 1972–1975 гг. (чем ниже, тем больше демократии)	67.71***	73.01***				
Прирост индекса демократизации в 1970–2000 гг.	–34.08**				2.00*	
Отношение индекса инвестиционного климата к приросту индекса демократизации		7.70**	–.77**	–.94***		–.79**
Дамми-переменная для переходных экономик				–9.5 (Tst = – 1.2)	–13.3 (Tst = – 1.6)	–14.0*
Константа	73.0	–218.3*	171.4** *	170.8***	163.3***	159.0***
Скорректированный R ²	64	69	58	59	60	58

*, **, *** Коэффициенты значимы на уровне 10 %, 5 % и 1 % соответственно.

Как видно из табл. 5, контролируя на уровень государственных доходов в ВВП в 1971–1975 гг. (чем выше доля госдоходов в 1971–1975 гг., тем трудней ее дальше

повышать), получаем, что уровень демократии в 1972–1975 гг. и демократизация в последующие 30 лет оказывали угнетающее влияние на рост госдоходов. Демократизация при низком уровне правопорядка оказывается также вредной для подавления теневой экономики.

Что же касается воздействия динамики госдоходов на экономический рост, то это воздействие положительное. Как видно из табл. 6, при контроле на ВВП на душу населения и на объем ВВП (а на эти характеристики надо контролировать потому, что размер государства при прочих равных условиях больше в более развитых и менее крупных странах) получается, что экономический рост успешнее там, где выше эффективность госинститутов и где большим было увеличение госдоходов.

Таблица 6

Воздействие эффективности госинститутов и динамики госдоходов на экономический рост – результаты регрессионного анализа (Т-статистика в скобках)

Зависимая переменная	Среднегодовые темпы роста ВВП на душу населения в 1975–1999 гг.			
	1	2	3	5
Число наблюдений	59	58	59	57
ВВП на душу населения в 1975 г.	-.0003**	-.0004***	-	-.0008***
Среднегодовые темпы роста населения в 1975–1999 гг.	-.87***	-.96***		-.50*
Доля госдоходов в ВВП в 1971–1975 гг.	.04 (Tst = 1.4)	.06**		.03 (Tst = 1.3)
Доля госдоходов в ВВП в 1995–1999 гг., % к уровню 1971–1975 гг.	.015***	.017**	.01**	.013**
Индекс эффективности госинститутов в 2001 г.			1.95***	1.80***
ВВП в 1999 г., \$.0003 (Tst = 1.3)		.0003**
Среднегодовая инфляция в 1975–1999 гг., %	-.029***	-.027***	-.021***	-.018***
Константа	1.86 (Tst = 1.2)	1.55 (Tst = 1.0)	1.84***	2.04 (Tst = 1.6)
Скорректированный R ²	29	30	58	62

*, **, *** Коэффициенты значимы на уровне 10 %, 5 % и 1 % соответственно.

Вот еще одна регрессия, показывающая, как рост зависит от государственных доходов (табл. 7). Лучшее уравнение здесь имеет вид:

$$\begin{aligned} \text{GROWTH} = \text{CONST.} + \text{CONTR. VAR.} + 0.08 * G - \\ - 0.0003 * G^2 - 4 * 10^{-6} * G * Y = \text{CONST.} + \text{CONTR. VAR.} + \\ + G * (0.08 - 0.0003 * G - 4 * 10^{-6} * Y), \end{aligned} \quad (3)$$

где G — доля государственных доходов в ВВП в 1995–1999 гг. в процентах от уровня 1971–1975 гг.; Y — ВВП на душу населения в 1975 г.

Оказывается, что рост зависит от государственных доходов таким образом, что на графике это выглядит как перевернутая парабола. Это значит, что увеличение государственных расходов после определенного предела вредно при любом ВВП на душу населения. Скажем, увеличение государственных расходов на 190 %, т. е. со 100 % до 290 % (почти в 3 раза) всегда вредно для экономического роста — даже для беднейших стран. А вот воздействие менее существенного увеличения государственных доходов зависит от уровня ВВП на душу населения. Оптимальное увеличение государственных доходов равно примерно 30 % для бедных стран и 0 % для богатых (развитых) стран. За период в 25 лет какие бедные страны показывали лучшую экономическую динамику, при контроле на все другие переменные (на инвестиции, темпы роста населения и т. д.)? Те, у кого государственные доходы росли примерно на 30 % быстрее, чем ВВП. А для стран, у которых было более 6 тысяч долларов на душу населения в 1975 г., долю государственных доходов/расходов в ВВП нужно было понижать. Это западные страны, Кувейт и Объединенные Арабские Эмираты, которые были вдвое богаче США.

Таблица 7

**Влияние динамики госдоходов на темпы роста ВВП на душу населения
в 1975–1999 гг. – результаты регрессии (Т-статистика в скобках)**

Зависимая переменная	Среднегодовые темпы роста ВВП на душу населения в 1975–1999 гг.						
	53	53	65	53	53	53	60
Число наблюдений	53	53	65	53	53	53	60
Индекс инвестиционного климата в 2000г. (ICRG)	0.13*** (5.69)	0.10*** (4.06)		0.12*** (5.08)	0.09*** (3.55)	0.09*** (3.75)	1.86*** (7.27)
Инвестиции в % к ВВП, в среднем за 1975–1999 гг.		0.12*** (3.01)			0.12*** (3.12)	0.12*** (3.30)	
Среднегодовые темпы роста населения в 1975–1999 гг.	-0.79*** (-2.87)	-0.81*** (-3.15)		-0.72*** (-2.68)	-0.74*** (-2.97)	-0.77*** (-3.18)	-0.45* (-1.94)
Доля госдоходов в ВВП в 1995–1999 гг. в % к уровню 1971–1975 гг.	0.02*** (2.62)	0.01** (2.14)	0.08*** (2.61)	0.09*** (2.57)	0.08*** (2.64)	0.08** (2.50)	0.11*** (3.93)
Квадрат доли госдоходов в ВВП в 1995–1999 гг. в % к уровню 1971–1975 гг.			-0.0002** (-2.26)	-0.0003** (-2.08)	-0.0003** (-2.24)	-0.0003** (-2.05)	-0.0004*** (-3.21)
Произведение доли госдоходов в ВВП в 1995–1999 гг. в % к уровню 1971–1975 гг. на ВВП на душу в 1975 г.	-5*10 ⁻⁰⁶ *** (-5.14)	-4*10 ⁻⁰⁶ *** (-4.17)		-5*10 ⁻⁰⁶ *** (-5.00)	-4*10 ⁻⁰⁶ *** (-4.04)	-4*10 ⁻⁰⁶ *** (-4.49)	-5*10 ⁻⁰⁶ *** (-6.67)
ВВП в 1999 г., млрд. \$						0.0003* (1.92)	
Константа	-6.75*** (-3.79)	-6.98*** (-4.24)	-3.36* (-1.81)	-9.71*** (-4.35)	-9.91*** (-4.83)	-9.83*** (-4.92)	-3.66** (-2.12)
Скорректированный R ²	47	59	9	50	58	60	63

* , ** , *** Коэффициенты значимы на уровне 10 %, 5 % и 1 % соответственно.

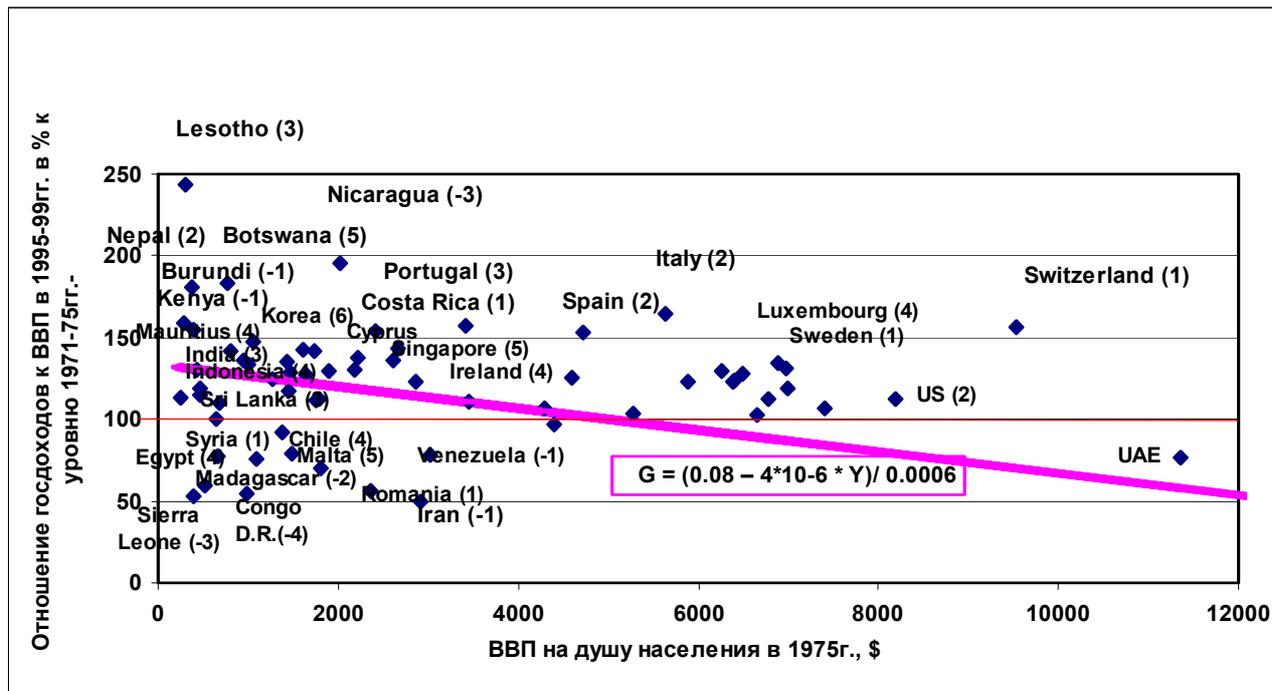

Рис. 5. Фактическое и оптимальное увеличение отношения государственных доходов к ВВП в 1971/75–1995/99 гг., %, и ВВП на душу населения в 1975 г., \$ (в скобках – среднегодовые темпы роста ВВП на душу населения в 1975–99 гг.)

Тогда получается вот такая картинка по той самой регрессии, которую мы только что обсуждали (рис. 5).

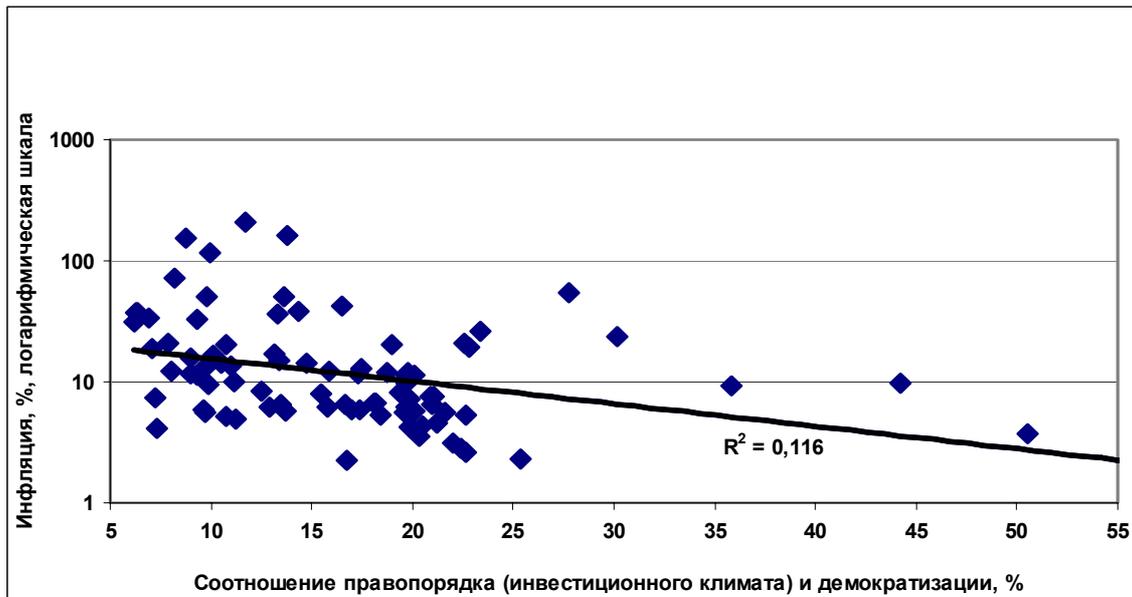
Что мы видим? Есть страны, которые увеличивали долю государственных доходов в ВВП больше, чем им положено: за немногими исключениями (Лесото, Ботсвана, Португалия, Люксембург) они очень плохо росли (Никарагуа, Бурунди, Кения и пр.) А среди стран, которые увеличивали долю государственных доходов в ВВП медленней, чем того требует регрессия, практически все страны, которые очень плохо себя вели:

Сьерра-Леоне (-3 %), Демократическая Республика Конго (-4 %), Иран (-1 %), Румыния (-1 %), Венесуэла (-1 %). Было, правда, несколько быстро растущих стран – таких, как Чили, Мальта и Египет, – но они располагались ближе к оптимальной границе.

Еще по одной регрессии (среди переменных, стимулирующих рост, не только государственные доходы, но и таможенные тарифы, и накопление валютных резервов) из работы про стадии роста получается, что накопление резервов положительно влияет на рост, когда ВВП низкий, а когда ВВП большой – отрицательно. Государственные доходы/расходы положительно влияют на рост, когда у вас ВВП маленький, а когда ВВП большой – они могут отрицательно влиять на рост. Причем государственные расходы взаимозамещаемы с тарифами: если у вас тарифы очень большие, то государственные расходы большими держать не надо, и наоборот.

Можно, таким образом, составить своего рода индекс промышленной политики. Промышленная политика (по крайней мере, по тем позициям, по которым можно собрать данные) проводится в виде таможенного протекционизма, в виде накопления резервов, в виде изменения расходов государства (считайте для простоты, что расходы государства идут на субсидии производителям). В этом случае получается, что промышленная политика полезна при довольно низком уровне развития и плоха при уровне развития более высоком.

Теперь про макроэкономическую политику. Инфляция явно зависит от соотношения правопорядка (инвестиционного климата) и демократизации. Чем больше увеличение демократии, тем, соответственно, это соотношение ниже, а чем больше правопорядок, тем этот показатель выше. Я уже не привожу регрессии, хотя они имеются, но и на рис. 6 явно просматривается отрицательная зависимость.

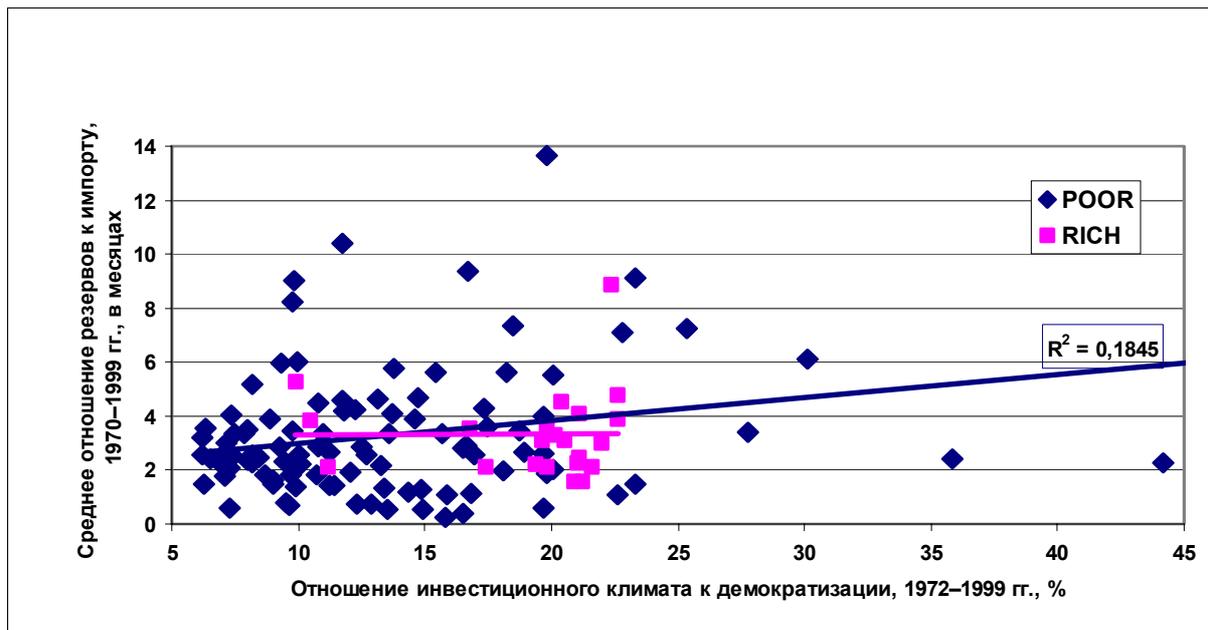

Рис. 7. Среднее отношение резервов к импорту (в месяцах) и отношение инвестиционного климата к демократизации, 1972–1999 гг.

Посмотрим на соотношение резервов и импорта (рис. 7). Здесь получается, что те страны, у которых было большее отношение правопорядка к демократизации, накапливали резервы быстрее, т. е. есть основания подозревать, что большая демократизация, которая делает показатель низким, отрицательно влияла на политику накопления резервов. Авторитарные режимы в основном накапливали резервы, а демократические – нет. Регрессии не приводятся, хотя они есть.

Из регрессий, кстати сказать, следует, что не только демократизация, но и сам уровень демократии (контролируя на ВВП на душу населения) влияют положительно на инфляцию. И вот, наконец, вывод, чтобы воссоздать всю «картину мира». Есть работа Алесины и Родрика. В ней две гипотезы: (1) в странах, где больше неравенство доходов, должно увеличиваться перераспределение через налогообложение, через налоги и через государственные расходы (у медианного избирателя доход ниже среднего, так что он голосует за высокие налоги, за перераспределение); (2) высокий уровень перераспределения означает, что пропадают стимулы, и тогда страна имеет слабый экономический рост.

Проблема, однако, в том, что эти две зависимости эмпирически не прослеживаются. Эмпирически получается, что в странах, в которых большое неравенство, мало перераспределяют, правительство маленькое. В странах, где большое правительство и где оно быстро увеличивается (не столько абсолютный уровень имеет значение, сколько увеличение этого правительства за период в 30 лет), наблюдается экономический рост.

Объяснение этого парадокса, видимо, состоит в следующем. Допустим, есть страна, как Россия, с сильным неравенством в распределении доходов. Это может быть связано с наличием природных ресурсов и, следовательно, секторов экономики, которые очень разнятся по своей эффективности (ресурсные отрасли у нас более эффективны), а может быть обусловлено и другими причинами, но тогда в любом случае возникает сильное давление к перераспределению. Если открыто перераспределять государство не может, если государство слабое, тогда возникают скрытые формы

перераспределения: контроль над ценами на сырьевые товары, в особенности на топливо и энергию, когда автоматически нефтяная рента попадает потребителю; инфляционное финансирование, когда печатаются деньги, т. е. собирается принудительный инфляционный налог на всех; долговое финансирование; перераспределение за счет завышенного валютного курса. При завышенном валютном курсе перераспределение идет за счет того, что резервы снижаются, фактически это субсидирование импорта и потребителя.

Таким образом, при наличии доходного неравенства и слабых институтов (подрываемых демократизацией при слабом правопорядке) может возникнуть ловушка (см. схему на рис. 2): слабое государство вынуждено прибегать к скрытым формам перераспределения доходов, что, в свою очередь, подрывает экономический рост и консервирует, воспроизводит доходное неравенство.

Суммируя выводы двух работ, которые я сегодня докладывал, можно, видимо, выделить два основных. Первый: нет универсальных рецептов экономической политики для всех стран. Видимо, есть оптимальный размер государства. Он должен быть, хотя бы исходя из того соображения, что если доля государства в ВВП составляет 0 %, то это плохо, а если 100 % от ВВП – тоже плохо, значит, истина где-то посередине.

Основываясь на своих исследованиях, я бы сказал, что оптимальный размер государства есть, но он варьируется в очень широких пределах. Вот две страны одинакового уровня развития: у одной есть система государственного здравоохранения и образования, у другой – нет. Высокий рост возможен и в той, и в другой, хотя, конечно, общественные блага должны предоставляться государством, и если они им не предоставляются, то экономический рост страдает.

Но, допустим, существует вилка доли госдоходов/расходов в ВВП – 20–50 %, в пределах которой воздействие изменения этого показателя на рост незначительно. Первостепенное значение имеет не эта вилка, а изменение доли государства. Когда было 50 %, как в СССР, а стало за несколько лет 30 %, как в России, то это означает коллапс государственных институтов, который крайне отрицательно воздействует на рост. И тогда может получиться ловушка.

Демократизация при низком уровне правопорядка ведет к плохому качеству институтов, плохой макроэкономической политике, ухудшению экономической динамики и росту неравенства и преступности. Раньше доходного неравенства не было, потому что не было неравенства в распределении богатства, а когда возникает неравенство распределения богатства (земли, активов), возникает и доходное неравенство. Это доходное неравенство, таким образом, воспроизводится и еще больше подрывает государственные институты и ухудшает макроэкономическую политику. Задача состоит в том, чтобы выбраться из этой ловушки.

Я не утверждаю, что России надо возвращаться к авторитарному режиму. Я говорю об этом сразу, чтобы избежать вопросов. К сожалению, нет необходимого количества данных, не так много стран возвратились от демократии к авторитарным режимам, чтобы сделать обоснованные выводы о воздействии на рост перехода от демократии к авторитаризму. Мы не можем, строго говоря, если зададим себе такой вопрос, сказать, как ведут себя страны, которые возвращаются от демократии к авторитарным режимам. Таких стран очень немного, и притом, что надо контролировать на 25 переменных, у нас просто не хватит степеней свободы для регрессий.

Пафос работы состоит в том, чтобы показать, что не надо толкать под руку Китай или Тунис. В Китае даже противники коммунистической партии понимают, что крах компартии из-за демократизации при низком правопорядке будет означать крах государства, примерно так, как это случилось у нас, обойдется в огромное количество человеческих жизней и выразится в замедлении темпов роста и, может быть, даже в экономическом спаде.

Вопросы к докладчику и обсуждение темы участниками семинара

При подготовке текстов вопросов и выступлений участников семинара к публикации были приняты следующие правила.

1) Тексты вопросов и выступлений (по стенограмме) подвергались сокращению за счет исключения слов и речевых оборотов, свойственных разговорной речи, а также исключения подробностей, не значимых с точки зрения изложения основных тезисов выступающего.

2) В ряде случаев длинные речевые обороты, свойственные разговорной речи, заменялись совпадающими по смыслу «формальными» фразами или словами. В отдельных случаях в тексты добавлялись слова или фразы для сохранения смысловой логики высказывания и приведения его в соответствие с языковыми правилами, обязательными для печатных текстов.

3) В случаях, когда участник семинара задавал сразу несколько вопросов, а докладчик последовательно отвечал на них, вопросы (и, соответственно, ответы докладчика) разбивались на блоки и размещались таким образом, чтобы более четко сопоставить ответы докладчика и заданные вопросы.

ВОПРОСЫ К ДОКЛАДЧИКУ

У меня два вопроса. Первый – проверяли ли вы в ваших регрессиях гетероскедастичность? Ведь она явно видна на некоторых графиках. Второй вопрос – проводили ли вы какие-нибудь тесты на обратную зависимость?

Попов: Нет, на гетероскедастичность не проверял. Строго говоря, надо проверить. Но то, что гетероскедастичность видна на графиках, не свидетельствует о том, что она есть в регрессиях, потому что в регрессиях на самом деле больше объясняющих переменных. Там надо смотреть, как распределяются в регрессиях (при контроле на другие переменные) остатки.

Вопрос об обратной зависимости меня постоянно мучает. Ведь тест Грэнджера можно сделать только тогда, когда есть временные ряды или панельные данные. А у меня все переменные в целом за один 25-летний период.

Можно перейти к пятилетним данным. Разбить период в 25 лет, за который есть данные, на пять пятилетних, но для изучения экономического роста пятилетний период не очень информативен. Ведь каждое извержение вулкана, каждый азиатский кризис, каждый российский кризис будет влиять на итоги роста в пятилетнем периоде, а в 25-летнем периоде эти случайные факторы все-таки взаимопогашаются. Есть сильный логический аргумент в пользу направленности причиной зависимости. Те переменные, которые я проверяю, связаны с политикой. Например, резервы: можно накапливать, можно не накапливать. У меня есть такая переменная – изменение валютных резервов, которое объясняется собственно политикой, т. е. я вычитаю из общего изменения резервов то, что связано с ростом внешней торговли, импорта, уровнем развития, т. е. такое изменение резервов, которое связано с объективными факторами. Размеры государства – тоже переменная контролируемая,

по крайней мере, отчасти самим государством. Увеличить расходы и доходы государства не всегда можно. У нас в середине 1990-х гг. хотели увеличить расходы и доходы государства, но не могли собрать достаточно налогов, чтобы заткнуть бюджетный дефицит. Но, по крайней мере, в обратную сторону, в сторону снижения, изменить госдоходы и расходы всегда можно. Если мы решим сократить, как предлагает А.Н. Илларионов, государственные расходы, потому что это, вроде бы, положительно скажется на росте, то при наличии консенсуса в правительстве и парламенте технически это сделать несложно. Таким образом, это политическая переменная, которой можно управлять. То же, хоть и с оговорками, относится и к демократии. Если вы Ислам Каримов, то у вас есть выбор: можно вводить демократию, а можно не вводить. Вы это решаете. Верно, что, в конце концов, процесс может приобрести саморазвертывающийся характер. Но так или иначе, правительственная политика все-таки не столь эндогенна, как другие переменные.

Вы можете привести какой-нибудь пример, когда демократия вводилась в условиях улучшающейся жизни?

Попов: Испания, Корея, Тайвань, Япония, Чили. Япония — это полуторпартийная система в течение всего послевоенного периода. Чего не хватало Тайваню? Все было. В Гонконге настолько все есть, что даже демократии не хочется, но скоро будут вводить. В Китае тоже будут — от хорошей жизни. Потому что у людей все остальное есть, кроме демократии. Хочется демократии.

Один из выводов заключается в том, насколько я понимаю, что в общем, если страна не является демократичной, то не надо спешить ее демократизировать, потому что тогда издержки быстрой демократизации, особенно шоковой демократизации, могут быть достаточно высокими. Если что-то делать, то надо делать мягко, плавно и постепенно. А не могли бы вы

дать совет тем, кто уже поторопился и уже испытал на себе эти издержки. Что им делать?

Попов: Мне, по большому счету, ответить нечего. Просто таких случаев очень мало. Я могу порассуждать о том, как им надо себя вести, но привести эмпирические доказательства, какая политика наиболее оправдана, когда страна возвращается от демократии, которую ввела раньше времени, к авторитарному режиму при низком правопорядке, не могу. Просто таких случаев практически нет. Один из таких случаев, видимо, Чили после 1973 г. — диктатура Пиночета. Но из эмпирики никакого вывода сделать нельзя, потому что надо множество точек, чтобы проконтролировать на разные переменные и посмотреть, какая была динамика. Мне кажется, что в этих странах назад уже идти неоправданно, но и к нарушениям демократии в этих странах, если они есть, надо относиться с пониманием. Я не хочу оправдывать эти нарушения демократии, но есть разные соотношения целей развития. Демократия, участие всех и каждого в управлении делами государства — всего лишь одна из целей развития. Это не только механизм, который влияет на экономический рост. Это абсолютная цель развития наряду с такими, как: больше богатства, ВВП на душу населения, больше потребления, больше равенства в распределении доходов, меньше преступности, меньше загрязнения окружающей среды. У этих целей, однако, разное соотношение в разных странах.

Скажем, есть позиция западных стран. Они говорят: «У вас дети работают на фабриках, где очень большая запыленность, загазованность. Мы не будем покупать кроссовки, которые они производят». Позиция развитых стран, подписавших Киотский протокол, сводится к следующему: надо сокращать эмиссию загрязнения от уровня 1990 г. одинаково всем странам, тогда это будет справедливо. На самом деле это не так. Сейчас уровень эмиссии на душу населения в Африке в 50 раз ниже, чем в США. При индустриализации эмиссия углекислого газа на душу населения возрастает по экспоненте, а эмиссия в расчете на 1 доллар ВВП тоже растет, хоть и медленнее, чтобы потом несколько снизиться, но в любом случае не до того уровня, на котором она сейчас

находится в Африке. Пусть западные страны сейчас выбрасывают, к примеру, 10 тонн на человека. Африка выбрасывает в 50 раз меньше, 200 килограмм на человека. В этом случае, согласно позиции развитых стран, даже когда США подпишут соглашение и будут сокращать эмиссию, они все равно останутся в большом выигрыше. Чтобы Африке индустриализироваться, ей придется закупать квоты на выброс CO₂.

Есть, к примеру, репродуктивные права женщин. Нельзя ограничивать право женщины рожать столько детей, сколько она хочет, а в Китае ограничиваются эти права. Есть ограничения на демократические свободы. Сколько лет своей жизни вы готовы отдать за привилегию жить оставшееся число лет в демократическом обществе? Для развивающейся страны, в которой высокая детская смертность, вопрос о защите прав животных (с полным уважением отношусь к правам животных и понимаю, что жестокость по отношению к человеку начинается с жестокости к животным и т. д.) не такой актуальный. Шкала ценностей другая. Как и вопрос об использовании детского труда или труда заключенных, как и вопрос о репродуктивных правах, как и вопрос о чистом воздухе, и, да, как и вопрос о демократии. Если у вас есть миллиард долларов, на что вы его используете? На защиту окружающей среды, на защиту прав животных, на введение демократии? А можно непосредственно на снижение этой детской смертности. При рассмотрении вопроса запрещения экспорта обуви в США из-за того, что при ее производстве используется труд заключенных или труд детей, нужно четко понимать альтернативы. Эти дети не пойдут в школу, эти дети умрут с голоду, если они не будут работать.

Рассмотрена зависимость экономических показателей от законопорядка. А от чего зависит сам законопорядок? Не является ли это двухсторонней связью, которая описывается совместными уравнениями?

Попов: Вроде бы получается, что если правопорядок был низким, то когда вы демократизируетесь, он становится еще ниже, а если этот правопорядок высокий,

то тогда он укрепляется. Строго говоря, можно это изучать... Это будет другой вопрос, но, по-моему, можно изучать вопрос, как демократия влияет на правопорядок.

Но мои аргументы это не подрывает. У меня нет под рукой (хотя в принципе есть) регрессии, чтобы сейчас показать, как демократизация влияет на эффективность государственных институтов. Что такое эффективность государства? Это очень близко к правопорядку, верно? При низком правопорядке демократизация показывает отрицательное влияние на эффективность правительства.

Вы сказали, что динамика госдоходов влияет на качество институтов. А влияет ли непосредственно на законопорядок или на другие показатели качества институтов?

Попов: Надо, наоборот, сказать, что качество институтов влияет на динамику госдоходов (если качество институтов плохое, то это можно компенсировать увеличением госдоходов/расходов). Строго говоря, если госдоходы вы можете снизить, т. к. это переменная политики, то повысить качество институтов не так просто.

Изучалась ли зависимость демократизации от экономических факторов? Понятно, что бывают очень богатые демократические страны, бывают очень бедные, но статистически есть ли такая связь? Изучалась ли она?

Попов: Как демократия зависит от ВВП на душу? Плохо зависит, на самом деле. Я же контролирую все время, когда исследую влияние демократии на что-то, на показатель ВВП на душу. При одинаковом ВВП на душу населения есть страны, которые быстро демократизируются, есть страны, которые это делают медленно. Еще контролирую на долю инвестиций в ВВП, на инвестиционный климат, на темпы роста населения. От уровня образования зависит больше, чем от ВВП на душу.

Можно поставить вопрос, как ВВП или изменение ВВП влияет на демократию. Возьмем Кувейт. Это страна, в которой ВВП на душу населения сейчас почти такой же, как в США, а раньше был даже выше. Это демократическая страна, и после Кувейтской войны там обсуждался вопрос о наделении женщин правом голоса. Парламент, сплошь состоящий из мужчин, проголосовал против (не хватило одного голоса), и шейх Кувейта сказал тогда: «Ну что ж, простите, мы старались, но у нас демократия, как решили, так и решили». Я признаю уместность ваших вопросов, но я бы сказал, что мои аргументы остаются в силе.

Хотелось бы понять механизм воспроизводства демократии. Получается, что важны институты, а если их нет, то правопорядок. Получается, что менее демократичные правители все же обеспечивают более жестокий правопорядок и, соответственно, это обеспечивает лучшие экономические показатели. Но если понимать демократию как право на избрание своих представителей, то почему на протяжении 35 лет люди продолжают избирать тех, кто ведет их страну к худшим экономическим показателям? Как этот механизм работает?

Попов: Да, это большой вопрос, и я не думаю, что могу сразу ответить на него. Когда правопорядок высокий, то демократизация положительно влияет на рост, т. е. в этом случае демократия себя воспроизводит. Вот мы перешагнули порог, демократия себя воспроизводит, потому что она лучше. Вопрос состоит в том, как демократия себя воспроизводит на более низком уровне, когда она вредна для экономического роста и, следовательно, для благосостояния.

Я не могу прописать России переход обратно к тоталитарному режиму, потому что, если у нас нет таких доказательств, видимо, ни у кого нет таких доказательств, в том числе и у электората. Кто знает, что будет? Сейчас вроде бы демократия есть, хотя доходы очень низкие. Перейдешь к тоталитаризму, доходы не вырастут, а демократию заберут. Убедительных доказательств того, что доходы вырастут, нет. Видимо,

примерно так же рассуждает электорат, и переходы обратно бывают редко. И не по желанию электората, это правда.

Меня смущает такое резкое противопоставление демократии и правопорядка. Мне кажется, что в использованных вами индексах демократизации главным образом учитывались индивидуальные права людей и слабо учитывалась эффективная организация демократической политической системы. Судя по тому, из чего исходили авторы соответствующих индексов, Россия, видимо, относится явно к странам с нелиберальной демократией, а мне кажется, что мы имеем совершенно неэффективную политическую систему, которая крайне затрудняет выявление общественных предпочтений.

Попов: Мне кажется, что разделение на демократию и правопорядок очень продуктивно. Я еще раз повторю, что демократия — это права политические: право на свободу собраний, свободу объединений в политические партии, свободу печати, свободу избирать и быть избранным. Freedom House перечисляет эти права подробно.

А есть еще огромный массив неполитических прав, который может быть гарантирован, как в Гонконге, авторитарным правительством. В Китае, допустим, прошел год назад судебный процесс, когда сотрудника низкого роста не взяли на работу в банк. Это дискриминация по росту, но раньше не было таких законов, а вот сейчас прошел первый судебный процесс, т. е. в Китае правопорядок очень сильно укрепляется. Китай на глазах перемещается из стран с низким правопорядком в страны с высоким правопорядком.

Я хочу еще раз повторить, что низкий правопорядок — это беззаконие. Порядок есть, а на законе он не основан. Поэтому правопорядок и низкий. Но если нет демократии, то есть диктаторский режим, как в Центральной Африке. А может быть диктаторский режим, как, скажем, Франко в Испании в последние его годы существования, где основные права человека, в том числе право выезда за границу, были все-таки обеспечены. Это был довольно либеральный режим: право на свободное разбирательство в суде, право от любой

дискриминации по этническому, расовому и другим признакам и т. д. были обеспечены. Поэтому общий подход мне кажется верным.

У вас еще была мысль, что правопорядок сам зависит от демократии. Я в этом не уверен. Существует очень много примеров того, как правопорядок создавался до демократии: это путь Европы в XIX–XX вв., это путь Восточной Азии. А во многих африканских странах, да и у нас, в СНГ, демократии много, а с правопорядком и даже просто с порядком большие проблемы.

Если я правильно понял, один из выводов состоит в том, что демократия более всего полезна развитым и богатым странам. Но если идти от диктатуры, то не являются ли проблемой противоречия, которые вы рассматриваете как неизбежную дань движению к этим более развитым и богатым странам, где более полезна демократия?

Попов: Коротко говоря, все страны придут к демократии. Но придут разным путем. Кто сомневается в том, что Китай когда-нибудь будет демократическим? Видимо, никто. Через 20–30 лет Китай будет демократическим? Да, конечно, будет. Но можно по-разному перейти к демократии. Можно перейти через гражданскую войну, а можно перейти так, как переходили Корея или Тайвань, или как будет переходить Гонконг. Да, в Корее было восстание в Кванджу. Но если встать на позицию арифметического подсчета потерянных человеческих жизней, там, по-моему, было убито двести или триста студентов.

Мы знаем, насколько увеличилась смертность у нас — с 10 промилле до 15 с лишним промилле. В Чечне, скажем, за все время военных действий было убито не больше 200 тысяч человек, в основном гражданские. А 750 тысяч человек ежегодно — это увеличение смертности в сравнении с советским уровнем, это как большая война. Впервые в истории человечества наблюдается ситуация, когда без войны, эпидемии или извержения вулкана происходит такое увеличение смертности. Китай через 30 лет будет демократическим, более развитым, хотя он и сейчас уже более развит, чем Россия, и там

неравенство распределения доходов, возможно, будет ниже. Тогда встанет вопрос, который зададут, видимо, наши внуки: что же вы не воспользовались китайским путем? Почему же вы стубили так много людей при переходе к демократии? Вот они пришли к демократии, вот вы пришли к демократии. Они пришли на 20 лет позже, но совсем с другими результатами и другими потерями. Хотя если завтра ввести в Китае демократию, то будет совсем другая картина.

Вы не пробовали посмотреть в тех странах, которые не вписываются в какую-то концепцию или модель, чем они отличались от всех остальных? Этот вопрос может быть не совсем корректен, но, может быть, все-таки на каких-то отдельных примерах вы можете что-то сказать по характеристикам стран, которые не укладываются в модель и которым, несмотря на все факты оговоренных ситуаций, все-таки что-то удалось сделать?

Попов: В вопросах демократии я себя, в общем-то, специалистом не считаю. Я назвал те страны, которые перешли успешно. Это десять стран восточной Европы, которые вступают в Европейский Союз, это Бразилия, Мексика, Уругвай, еще пара стран в Латинской Америке; в Юго-Восточной Азии – Корея и Тайвань, может быть, еще Филиппины, и в Африке только Гана.

Они вписываются в общую картину, видимо, по такой логике, что там ВВП на душу населения довольно большой, правопорядок довольно высокий. Когда у вас правопорядок довольно крепкий, как, скажем, в Восточной Европе, и особенно в центрально-европейских странах, можно переходить к демократии.

Демократия плохо связана с ВВП и хорошо – с уровнем образования, потому что чем более образован человек, тем большее он придает значение демократии, тем больше он выступает за демократию и не склонен мириться с авторитарным режимом. Интуитивно это понятно. Так что здесь, видимо, уровень образования играет не последнюю роль, он толкает на демократизацию прежде, чем создан правопорядок. И в этом смысле, может быть, наша демократизация и определяется высоким уровнем образования.

А если говорить об исключениях, то это вообще тема политологов. Но говорят, что есть страны с полупарламентарной системой. Полупарламентарная система — это Ботсвана, например. Ботсвана характеризуется как демократия (у нее индекс демократии равен 1–2 уже в течение 30 лет, т. е. весьма высок). На самом деле это не демократия (к вопросу об индексах), потому что в Ботсване партия, которая пришла к власти после достижения независимости в начале 1960-х гг., так с тех пор власть и удерживает. Это самая быстрорастущая экономика в мире: 6 % ежегодного роста ВВП на душу населения в последние 40 лет. Они увеличили ВВП на душу населения больше чем в 10 раз за 40 лет, сейчас он выше, чем в России. Там стояла у власти одна партия, как в Японии до середины 1980-ых гг. была полупарламентарная система: одна партия была очень большая, а остальные — очень маленькие и никогда к власти не приходили. И вроде не запрещено было к власти приходиться на выборах. Но проверить, отдаст ли им власть большая партия, если проиграет выборы, не удавалось.

Подобная полупарламентарная система есть и в Египте. Формально и в Китае есть 8 партий, причем они далеко не полностью контролируются КПК. В Китае вводят сейчас какие-то демократические процедуры даже при выборе в Центральный Комитет КПК, а в деревнях везде введены выборы деревенских старост.

Так что, может быть, промежуточный этап, полупарламентарная система. Не знаю, сможет ли «Единство» стать этой полупарламентарной системой.

Можно ли сделать вывод из вашего исследования, что России на данном этапе демократизация противопоказана?

Нет, я бы так не сказал. У меня нет ни теоретических, ни практических оснований сделать такое заключение. Самое главное, здесь и особая модель, видимо, не очень возможна, она не отразит все богатство связей.

Поэтому сказать, что делать сейчас России, стране, которая уже ввела демократию, я не знаю. Я скажу только, что рановато ввели, надо было вводить

постепенно. И если бы было постепенно, то получилось бы лучше. Вы можете возразить, что это не определялось чьим-то желанием. Я думаю, что в силах Горбачева можно было провести это постепенно, как сейчас определяется это желанием Каримова или китайских лидеров.

Но вот что сейчас делать? Надо ли дальше демократизировать или нет? Я бы даже не хотел отвечать на этот вопрос, потому что мне нечего сказать, я не знаю.

Как Freedom House оценивал уровень демократии в России на протяжении 1990-х гг.?

Попов: Freedom House существенно снизил рейтинг России к настоящему моменту, что выглядит как увеличение авторитаризма. Где-то в начале-середине 1990-х гг. индекс был равен 3, сейчас он составляет 5 баллов. Очень близко к полностью авторитарному режиму, 7 баллов.

Я тоже думаю, что это не очень обосновано. Скажем, историю с Ходорковским я бы не стал рассматривать как ограничение демократии, потому что существуют законы о финансировании политических партий, как в Италии. Это как раз считается демократическим. Здесь можно спорить про то, как эти индексы отражают демократию, хорошо или плохо. Но куда дальше демократизировать? Я бы простил даже какие-то авторитарные тенденции власти, которых я сейчас вижу не очень много, может быть, в прессе есть кое-какие. Но я бы простил эти тенденции, если бы у меня были доказательства, что за этим последует бурный экономический рост, увеличение продолжительности жизни и прочие выгоды. У меня, к сожалению, нет этих доказательств. Но я бы склонен был простить, у каждого есть личная своя шкала ценностей. Я бы, видимо, склонен был обменять одно на другое.

Вы, ссылаясь на Freedom House, говорите о России, Чили. А почему мы смотрим такие страны? Что происходит в последние два с половиной года в США? Что вы думаете

и что Freedom House говорит по этому поводу, как эта тенденция называется?

Попов: Я не ощущаю себя в этой сфере специалистом, я не думаю, что что-то серьезное могу сказать. Проблема развития – не для США, проблема развития стоит для развивающихся стран. Так что все, что я говорю, относится к развивающимся странам. США – исключительная страна, по общему ощущению, скорее, не в смысле демократии, а в смысле морали. По индексам же получается, что в США все время демократия, и индексы там никогда не росли выше 1 (полная демократия). Были западные страны, в которых они росли с 1 до 2.

ОБСУЖДЕНИЕ ТЕМЫ УЧАСТНИКАМИ СЕМИНАРА

Попов: Было два периода: 1920-е и 1950-е гг., два золотых века экономического роста в России. Никогда Россия не развивалась так хорошо, ни до, ни после. 50-ые гг. до сих пор загадка. Там целое десятилетие по 6 % росла производительность труда — практически японские показатели. В 50-ые гг. мы были фактически Японией.

С 1928 по 1953 гг. никакого роста реальных доходов не было — частью по причине коллективизации, частью из-за войны, частью из-за индустриализации. Карточки отменили только в 1935 г. с существенным повышением цен. И особенного роста доходов никто не заметил. Да и по статистике получается, что роста доходов не было, смотрите на потребление мяса и других продуктов питания. У меня есть эта статистика, и 50-ые гг. являются примером довольно успешного режима.

Есть возражение Амартья Сена (Amartya Sen) против авторитарных режимов и аргумент в пользу демократии. Он говорит, что в демократиях никогда не бывает массового голода. Сам себе возражает, потому что в Ирландии был голод. Но он говорит, что Ирландия управлялась Англией и не была демократической страной, англичане не считали ирландцев равными сами себе. В Англии голода не было, а в Ирландии был. Это была колония Великобритании в XIX в. Есть пример Советского Союза после 1947 г., когда имел место последний случай голода. И до развала авторитарного режима, до 1991 г., почти полвека не было массового голода. Есть пример Судана, который был демократическим и в котором был голод. Но аргумент Амартья Сена состоит в том, что, может быть, демократия очень плоха, но она не допускает голода. Если часть населения голодает, то начинается перераспределение: ввоз продовольствия, предоставление помощи. В демократии не бывает голода. Этот аргумент можно оспорить. Вообще, если взять демократию и авторитарный режим, среди авторитарных режимов больше как очень быстрорастущих («экономических чудес»), так и абсолютных провалов. А демократии больше «кучкуются» вокруг среднего уровня.

Я выделил две посылки доклада:

а) демократия – это ценность;

б) демократизация – это политическая переменная, значит, переменная политики, которую мы либо сами себе подарили, либо сами себе навязали.

Не то, чтобы эти два тезиса могли бы быть оспорены, но, по крайней мере, необходимо предложить и альтернативный вариант. Для меня демократия – это не ценность, а способ управления государством, обществом, при этом способ не самоуправления, а способ управления обществом со стороны некоторой элиты. Это не власть большинства, это просто форма, в которой элита с одной стороны легитимизируется, а с другой стороны – консолидирует власть, это некая машина управления.

Демократизация никогда не была подарком, она всегда была реакцией на острый кризис. Формулировка, что началась хорошая жизнь – и демократизировались Испания, Тайвань и т. д., мне несколько странна. Действительно, эти страны демократизировались при хорошей экономике, но совершенно ясно, что там был острый политический кризис и в том, и в другом случае – кризис воспроизводства демократической элиты. Подарка или свободного выбора, делать или не делать, не было.

В Китае, пока, слава богу, нет кризиса элиты, поэтому там тоже нет выбора, делать или не делать эту самую демократию. А какой был кризис в 1985–1991 гг. в СССР, приведший к появлению другой страны под названием Россия, мы все помним. И здесь просто демократия была в основном не единственной реакцией на кризис и свободу. Это была кризисная модель, для меня это совершенно очевидно.

Попов: Я различал демократию и демократизацию, понимая последнюю как процесс. И демократия, и демократизация в этом смысле являются и ценностью, и целью, и, соответственно, влияют на другие цели и другие параметры системы и способность ее достигать других целей.

Действительно, бывают случаи, когда демократия вводится под давлением, но где провести черту, где взять исходную точку? Почему начались в 1989 г. на площади Тяньаньмэнь демонстрации? Я подробно занимался этим, сейчас из опубликованных протоколов заседания Политбюро и «Совета старейшин» во главе с Ден Сяо Пином известно, как день за днем разворачивались события. Их можно было остановить в самом зародыше. На самом деле, и у Горбачева была такая возможность. В 1987 г. публикацией статьи «Лукавая цифра» («Новый мир», № 2) начался период гласности. Когда главного редактора «Нового мира» не выгнали, то как будто плотину прорвало: все стали писать, выплеснулось все, что накопилось. Ведь был же тогда выбор – можно было выгнать редактора «Нового мира», как это раньше обычно делалось, и никакой перестройки не было бы еще лет тридцать. Были и позднее варианты – Горбачев мог бы возглавить ГКЧП, и т. п.

А был ли кризис в Испании? Если я правильно помню, король после смерти Франко спокойно передал всю власть народу, без всякого кризиса. Это был его выбор. Он просто решил облагодетельствовать народ демократией. В Корее был кризис. Но для авторитарного режима протест нескольких тысяч студентов – это не кризис, это большой проблемой не является. Там, правда, все осложнялось коррупцией, и, с этой точки зрения, похоже, авторитарный режим себя пережил – не смог совладать с коррупцией.

В общем, я поставил бы под вопрос утверждение, что переход к демократии всегда сопряжен с кризисами, что чем более развита страна и чем она больше готова к введению демократии и чем медленнее действует власть, вводя демократию, тем кризисы более вероятны. Бывает, что демократия вводится и без кризисов, сверху. Есть введение демократии снизу, а есть сверху.

Мы, безусловно, выслушали чрезвычайно интересный и наводящий на вопросы и размышления доклад. То, что в этом докладе выявлен целый ряд связей, статистически неплохих, это тоже факт, но в этой бочке меда, безусловно, есть несколько капель другого вещества.

Дело в том, что доклад порождает маленький рядочек политико-экономическо-эконометрических размышлений. Я настаиваю на таком комплексе, поскольку это действительно некий комплекс.

О чем идет речь? Как автор подчеркивал неоднократно в ответах, он оперирует политическими переменными. Проблема заключается в том, что политические переменные, очевидно, связаны петлями прямых и обратных связей с экономическими переменными. А это означает, в эконометрических терминах, что делать какие-либо серьезные выводы не на основе системы одновременных уравнений, строго говоря, нельзя. Раз у вас есть обратные связи, а вы не работаете с системой одновременных уравнений, с которой трудно работать, но только с ней можно работать, то убедительность выводов может быть обернута, об этом уже шла речь. Причинные связи могут быть противоположными, и тогда убедительность эконометрического анализа оказывается на уровне убедительности дескриптивной статистики. А характеристику убедительности дескриптивной статистики мы слушали из уст автора.

Мне не хотелось всего этого говорить, поскольку доклад чрезвычайно интересен. Ведь дело в том, что как только мы начинаем заниматься политическим анализом, не располагая хотя бы причинно-следственными связями или петлями прямых и обратных не причинно-следственных и корреляционных связей, мы невольно скатываемся к очень неприятной вещи, которая называется домысел. Только что звучало: был выбор, не было выбора у Горбачева. Я не Горбачев, и вы не Горбачев, и никто из нас не Горбачев. Был у него выбор или не было выбора — это наши домыслы. Или мы работаем со статистическими факторами на основе качественных эконометрических методов, или мы занимаемся домыслами в этой области.

Это вещь чрезвычайно интересная, но, по-моему, не очень продуктивная с точки зрения углубления наших знаний о том, что там происходило — не в смысле, о чем думал Горбачев или Пиночет, а в том смысле, является ли это единичным фактором причин, которых мы не знаем и не узнаем, или же это есть проявление некоторой статистически качественно оцененной закономерности.

Мне кажется, пока политико-экономически-эконометрический комплекс останется не разрешенным, до тех пор, к сожалению, на уровне интерпретации мы будем сталкиваться с проблемой домыслов, проверок и т. д.

Во-первых, я считаю продуктивным этот доклад в том смысле, что он еще раз подчеркивает принцип нелинейности. У нас в экономическом анализе и экономической политике все-таки отчасти есть доминирование линейного принципа — чем больше, тем лучше, или наоборот, чем меньше, тем хуже. На самом деле, статистический анализ, представленный в работе, и опыт многих стран показывает, что нелинейные зависимости могут быть продуктивны на ранних стадиях развития и непродуктивны на более поздних стадиях, что госрасходы и доходы целесообразно увеличивать в одних условиях и снижать в других. Кстати, в предпоследнем докладе я тоже говорил о существовании оптимального уровня размеров государства. Но я бы немного по-другому сформулировал, не в терминах демократии и правопорядка, а в терминах порядка и свободы — на разных уровнях развития экономики должно быть разное соотношение порядка и свободы. На ранних стадиях главным является порядок, а по мере развития все более необходимым для дальнейшего развития становится свобода.

Однако остается открытым вопрос — его нет в докладе, но он очень важен для интерпретации этих результатов — о том, происходит ли потом по мере развития переход от несвободного недемократического государства к свободному, или же несвободное может застрять. Например, Советский Союз. Он действительно очень быстро развивался, но потом он исчерпал возможности своего развития в рамках отсутствия достаточной свободы и оказался в отсутствии демократии не способен повысить эту степень свободы, в то время как демократические государства постепенно наращивали эту степень свободы. Скажем, во Франции был достаточно большой дирижизм, там были индикативные планы, потом они от этого отказались.

Поэтому мне кажется, что здесь остается компромисс, выбор между краткосрочными целями и долгосрочными, т. е. в краткосрочном плане, наверное, путь, по которому пошли Узбекистан и Белоруссия,

обеспечивает меньший экономический спад. Но мне кажется, что в долгосрочном плане это может оказаться ловушкой, т. е. они не будут способны в нужное время повысить степень свободы, не преодолеют необходимую планку развития и застрянут на не слишком высоком уровне развития. И в этом смысле интересно посмотреть, что будет с Китаем, и мне кажется оптимистической оценка Владимира Викторовича, что через 20 лет Китай точно будет свободным — я далеко в этом не уверен. Мне кажется, это будет интересный эксперимент.

Я не отношу себя к знатокам эконометрических методов исследования, но у меня, честно говоря, очень давно сложилось такое убеждение на этот счет: эти методы очень важны, очень полезны, но они ничего не доказывают сами по себе. Они служат просто некоей иллюстрацией, некоторым дополнительным аргументом в пользу той или иной позиции. Поэтому я думаю, что даже если бы Владимир Викторович использовал систему уравнений, которую здесь предлагали, все равно это никак не привело бы к тому, что исчезли бы дискуссии по поводу тех выводов, которые вы формулируете.

Конечно, такое масштабное сравнение, охватывающее такое большое количество стран, очень интересно, и мне, кстати говоря, очень близки выводы, к которым вы пришли. Но, с другой стороны, я должен сказать, что страны (и одна и та же страна на разных этапах) преследуют достаточно разные цели, и группы стран часто очень серьезно различаются по характеру решаемых проблем. Мне кажется, что если мы пытаемся проецировать что-то на российскую экономику, то мы, конечно, в первую очередь должны рассматривать страны, которые решают примерно те же самые задачи и сталкиваются с теми же самыми проблемами, с которыми сталкиваемся и мы. Конечно, опыт Ботсваны очень интересен, но мне кажется, что для нас значительно важнее опыт центрально- и восточно-европейских стран,

опыт стран СНГ и, в некотором смысле, опыт Китая, Вьетнама и т. д.

Мне кажется, что вообще вопросов очень много. Скажем, мы часто исходим, как бы по умолчанию, из того, что темпы роста ВВП являются абсолютным или почти абсолютным критерием успеха или неуспеха. Я уже не говорю о проблемах чисто содержательного плана, касающегося этого показателя. Они вам, наверное, известны значительно лучше, чем мне. Даже если бы эти проблемы можно было снять, я абсолютно уверен в том, что это задача с ограничениями. Конечно, темпы роста ВВП очень важны, но при определенных ограничениях, которые задаются обществом, темпы роста – это скорость, но важно еще и направление вектора, куда при этом движется наша экономика. Если мы ставим задачу абстрактного увеличения темпа роста ВВП, тогда, наверное, ничего лучше для нас нет, чем абсолютно либеральная политика, совмещенная с созданием эффективной системы социальной сетки.

Другое дело, что сложности реализации этой политики огромны, сетку эту сложно создать, и т. д. Но в принципе, если мы исходим из краткой или среднесрочной перспективы, очевидно, что малое участие государств в перераспределении ресурсов обеспечат, или, по теории, должны обеспечить, наиболее быстрые в среднем или среднесрочном плане темпы роста – по той простой причине, что они будут создавать условия для перетока ресурсов в те сферы, которые сегодня в денежном выражении дают наибольшую отдачу.

Другое дело, устраивают ли нас перспективы тех изменений, которые произойдут с экономикой, того образа экономики, который возникнет на основе такого быстрого темпа роста ВВП, если эту стратегию удастся грамотно осуществить. И вот здесь, мне кажется, мы подходим к тому вопросу, который поставлен, в том числе, и в вашем докладе. К сожалению, мы очень часто резко разграничиваем экономику и политику. Мы очень любим говорить о том, что с экономической точки зрения это было бы хорошо, но есть политические ограничители и т. д. До определенной степени такого рода разграничения очень удобны и понятны, но, строго

говоря, они не совсем верны. Точно так же, как в микроэкономике при построении модели потребительского выбора никому не приходит в голову отрицать значение системы предпочтений отдельного человека и понятно, что, рассматривая их как экзогенный фактор, мы, тем не менее, понимаем, что иначе невозможно решить проблему потребительского выбора, так же и для общества в целом должна существовать, и существует, наверное, в идеале, некая карта предпочтений общества. А кем она выявляется? Она может выявляться только политической системой – больше никому. И поэтому от эффективности функционирования этой системы, вообще говоря, очень много зависит в плане того, какую экономическую политику проводить. Если общество склонно к тому, чтобы решать задачу максимизации темпов экономического роста несмотря ни на что, это одна экономическая политика. Если для общества самостоятельной ценностью является сохранение в будущем каких-то позиций в области высоких технологий, науке фундаментальной, прикладной и т. д., тогда нужна другая экономическая политика.

Меня этот вопрос о степени демократии волновал. Я, конечно, исхожу из того, что в нашей стране надо укреплять демократию, но не столько в плане развития личных прав, здесь достаточно серьезный прогресс, хотя есть и проблемы, хорошо известные всем, сколько в плане создания эффективного демократического механизма, включая нормальную партийную систему, которая при всех известных недостатках этих систем все же является наиболее эффективными механизмами выявления общественных предпочтений. А до этого, мне кажется, во многом наши споры о том, какая доля государства должна быть, отчасти оторваны от задач, которые предстоит решить.

ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНОЕ ВЫСТУПЛЕНИЕ

Буквально несколько слов в ответ на замечания. Говорилось о том, что надо рассматривать связь между демократизацией и ростом как систему одновременных уравнений. Я представляю, что нужно сделать, это называется Хаусман-тест (Hausman test). Если вы выразите демократизацию через остальные переменные, а потом подставите предсказанные значения демократизации в исходное уравнение, и у вас остатки окажутся значимыми, то это плохо. Значит, тест не пройден, и тогда вам надо искать инструментальную переменную. Я почти уверен, что такой тест не будет пройден. Я прямо скажу, что не делал его, я не очень люблю эту процедуру. Но я думаю, что здесь есть одновременное определение одной переменной другой. Можно искать инструментальные переменные. Но когда все со всем связано, очень сложно искать.

По-моему, вопрос о причинности надо решать исходя из логических соображений. Пойдем от противного: если не демократизация влияет отрицательно на рост, то, значит, рост отрицательно влияет на демократизацию. Получается, что страны, которые очень быстро растут, как Китай, имеют допуск на то, чтобы зажимать демократию. Мне этот логический аргумент немного «жмет». Меньше рост, больше демократизация. Как эту связь объяснить логически? Вы скажете, что если у вас в магазине ничего нет, то хоть свободами попользуемся демократическими, хоть поживем в свое удовольствие и будем выбирать себе правительство, да? Довольно странно получается. Для меня гораздо более естественно такое логическое объяснение, что демократия – это переменная, которую можно регулировать, как ее вводить, быстро, медленно, сегодня ли демократизировать или завтра. Это не говоря уже о тарифах, о накоплении резервов, о размерах государства.

Я хочу прорекламировать свою работу в соавторстве с В.М. Полтеровичем – «Стадии развития и экономическая политика», где как раз есть идея стадий. Мы пытаемся проследить, на какой стадии надо отказываться от

импортных технологий и переходить к собственным научным исследованиям, на какой стадии надо привлекать иностранные инвестиции, а на какой не надо. Ниже какого-то уровня инвестиционного климата не стоит привлекать иностранные инвестиции, потому что они оказывают отрицательное воздействие на рост. Во-первых, идет самоотбор инвесторов. Эти инвесторы плохонькие, приходят в страну за быстрой прибылью и никакой технологии не приносят, или это только инвесторы в сырьевые отрасли, где технологии тоже играют не такую большую роль, как в других отраслях. Во-вторых, очень большой отток капитала. Так, скажем, иностранный инвестор платит деньги Абрамовичу, а Абрамович тут же вывозит деньги в Британию. И даже если оттока капитала нет, то идет отток прибылей. Инвестиции не рассчитаны на долгосрочный период, идет отток прибыли, она не реинвестируется, что перекрывает плюсы от иностранных инвестиций. Раз новых технологий нет, то по движению капитала получается, что страна проигрывает.

Мне очень симпатична и та идея, что Советский Союз исчерпал возможности, не сменив вовремя систему. Была одна возможность при хрущевских реформах, тогда мы были как раз как Китай, 30 лет продержали плановую систему. Меня привлекает идея, что за 30 лет плановая система стареет. Почему? Потому что она не может обновлять основные фонды, строить новые мощности может, а обновлять старые не может. Я даже немного писал про это. И мне это кажется очень логичным объяснением.

Теперь что касается того, сможет ли Беларусь получить краткосрочные выгоды. Про Беларусь говорят: ее экономика растет сейчас при более высоких нефтяных ценах — они уже несколько лет мировые, а сейчас они переходят на мировые цены на газ. Белоруссия растет при том, что у нее нефти никакой нет, и они покупают эту нефть по мировым ценам. Они экспорт увеличили почти так же, как Россия за весь период с 1992 г. до сегодняшнего дня. Только у нас это сплошная нефть, а у Белоруссии это не нефть, а продукция обрабатывающей промышленности.

Есть такое английское выражение — «укусить пулю» (to bite the bullet), которое происходит из времен

гражданской войны в США. Когда делали операцию, обрезали конечности без наркоза, и чтобы не сломались зубы, которые сжимались от боли, давали пулю, мягкий металл. Принять какую-то боль, чтобы потом стало легче, и называется «to bite the bullet». Так вот, в Беларуси эту «пулю» уже «укусили», они прошли эту структурную перестройку уже в большей мере, чем мы, и в экономике, и даже в политике. У них уже два раза сменилось правительство. К Шушкевичу перешла власть от Советского Союза, а от Шушкевича к Лукашенко. Левые, в лице Лукашенко, уже пришли к власти демократическим путем. И демократия там уже консолидировалась. А у нас еще нет. Не говоря уже о том, что у них и парламент не расстреливали из танков, и войн в Чечне не было. Подрывает ли способности роста на будущее тот рост, который сегодня происходит в Беларуси? Похоже, нет, у них рост идет на более здоровой основе, чем у нас.

Выскажу еще один аргумент. Есть расхожее утверждение, что в Советском Союзе был лишний выпуск. Это известный аргумент Гайдара, Ослунда и других. Они говорят, что в СССР производили статуи Ленина и танки, которые никому не были нужны. Следовательно, и падение выпуска этой продукции не является настоящим спадом производства. Есть известное высказывание Энгельса из «Анти-дюринга», что при переходе от рынка к прямому коммунистическому распределению обществу не придется прибегать к услугам прославленной стоимости для учета общественно-необходимого труда, овеществленного в товаре. Вот такую же роль на себя берут, соответственно, Гайдар или Ослунд, когда говорят, что мы знаем, что общественно полезно, а что общественно не полезно.

Была ли общественно полезна бомба, сброшенная на Хиросиму и Нагасаки, когда ее произвели и включили в ВВП США за 1945 г.? Сейчас это является военным преступлением, потому что это убийство гражданского населения в целях сохранения жизни американских солдат, военного персонала. По нынешним меркам морали и международного права — это военное преступление. Сейчас бы за это судили, как могут судить Тони Блэра, если было бы доказано, что он сознательно санкционировал бомбардировки гражданских объектов во время войны в Ираке. Электрический стул, произведенный

в США, — это ВВП или не ВВП? Ведь многие считают смертную казнь варварством.

Можно и дальше бесконечно множить примеры. Можно про религию сказать — кто-то считает ее духовной пищей, а кто-то опиумом. Приведу последнюю аналогию. Мы когда-то лечили болезни методами, которые сегодня отвергаются медициной, например, пытались лечить ожоги мазями, чего нельзя делать ни в коем случае, потому что тогда кожа не дышит и заживление идет хуже. Мы вредили себе из-за собственного незнания. Если мы из-за незнания навредили, то я бы не осмелился сказать, что потом Беларуси будет хуже, хотя я думаю, что на самом деле лучше будет. Поэтому сказать, какой нам нужен рост сегодня, чтобы он не подорвал рост в будущем, я не могу.

ББК 65

Государство, демократия и экономический рост.
Материалы семинара «Стратегия развития» от 29 сентября
2003 г. — М.: ТЕИС, 2003. — 59 с.

ISBN 5-7218-0561-7

© Институт комплексных стратегических исследований, 2003

Научный редактор – *В.Е. Болтрукевич*
Редактор – *А.Ю. Тяглова*
Ответственный за выпуск – *А.М. Грязнова*

Лицензия ИД № 04386 от 26.03.2001 г.
Подписано в печать 17.10. 2003 г. Формат 60x88/16.
Печать офсетная. Печ. л. 4,0. Тираж 500 экз. Зак. 6261
ООО «ТЕИС»
115407, Москва, Судостроительная ул., 59
Отпечатано с готовых диапозитивов в филиале
Государственного ордена Октябрьской Революции,
ордена Трудового Красного Знамени
Московского предприятия «Первая Образцовая типография»
Министерства Российской Федерации по делам печати,
теле- радиовещания и средств массовых коммуникаций
113114, Москва, Шлюзовая наб., 10